

A romantic couple embracing in a city at night. The woman is wearing a red and black plaid shirt and denim shorts, and the man is wearing a light blue shirt and a grey beanie. They are standing in front of a city skyline with a body of water in the foreground. The background is a vibrant blue and purple cityscape with lights reflecting on the water.

НАТАЛЬЯ АВЕРКИЕВА

БОСИКОМ ПО ЛУЖАМ

КНИГА 1

16+

Наталья Аверкиева
Босиком по лужам
Серия «Босиком по лужам», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43177021

SelfPub; 2021

Аннотация

Что может быть общего у известной русской журналистки, никогда не сидящей на месте, и немецкой рок-звезды, в ногах которой весь мир бьется в истериках? Всего одна ночь. Которая перевернула мир двух безгранично одиноких людей. Серия "Босиком по лужам". Книга 1/4.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	45
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Аверкиева

Босиком по лужам

Серия «Босиком по лужам»

Книга 1. Босиком по лужам

Книга 2. В тени твоих ресниц

Книга 3. Город пахнет тобою...

Книга 4. Разреши себя любить

Shutterstock (с) изображение на обложке лицензионное, с разрешением на коммерческое использование

Глава 1

Я поставила точку и нажала «Сохранить». Наконец-то... Вечно дотяну до самого последнего, а потом сижу до утра, мучаюсь, ругаюсь. А на кого, собственно, ругаюсь? На себя, любимую. Допила остывший кофе, прицепила файл к электронному письму самой себе и нажала «Отправить». Внизу экрана около часов тут же замигал белый конвертик, сообщивший, что мое письмо дошло до адресата. Завтра на работе сохраню файл на рабочий компьютер, еще раз перечитаю, поправлю, и все будет хорошо, а то флешки постоянно теряются или забываются. Я уже и на ключи их вешала, и в сумку кидала... Эх, не живут у меня флешки, не приживаются. Теперь можно ложиться спать с чистой совестью! Я с нескрываемым удовольствием нырнула в постельку, мысленно пообещав себе, что больше не буду засиживаться до трех часов ночи. Все-таки должен быть в жизни какой-то режим. Да, мне, биологической «сове», очень тяжело жить жизнью «жаворонка», но надо же как-то к этому приспособливаться. Плохо только то, что «сове» спать осталось всего ничего, а ей требуется как минимум девять часов полноценного сна для полного восстановления организма. С этими мыслями я и уснула... уснула бы... если бы ни телефонный звонок... Я чертыхнулась. Ну что за елки-палки! Ни стыда, ни совести!

Кому часы надо подарить?

– Машка, какое счастье, что ты дома! – радостно завопила в трубку Полина, моя давнишняя подружка. Мы с ней знакомы без малого двадцать лет. Вот как в ясли впервые пришли первого сентября, так с тех пор почти и не расставались. Помнится мне, у нас даже кровати рядом стояли в детском саду, а в пионерских лагерях и в школе нас постоянно принимали за сестер. Потом, конечно, наши пути немного разошлись, но отношения остались прежними. Мы всегда помогали друг другу.

– Воропаева, ты на часы смотрела? Мне на работу с утра, а ты... Ну что ты за зараза такая? – Иногда я позволяла себе называть Полинку заразой. Она не обижалась. Знала, что я зову ее так любя.

– Дууура! – растягивая гласные, заявила Польшка. – Да ты меня расцеловать должна, что так удачно все складывается!

– В три часа ночи я могу тебя только убить! Причем с особой жестокостью.

– Сейчас-сейчас! Ты кинешься мне на шею!

– Имей ввиду, это должно быть что-то совсем аховое. Не томи.

– Мне нужен переводчик на два дня, – выпалила она скороговоркой.

– Медленно повтори еще раз, – нахмурилась я. Действительно, сейчас кинусь на шею и придушу.

– Ну, ты же меня выручишь, правда? – захныкала Полин-

ка.

– Пупсик, ты знаешь, что я тебя люблю, и, как любимой женщине, никогда и ни в чем не отказываю, но...

– Нет, ты не можешь отказаться! – едва ли не ревела она. – Где я найду в три часа ночи адекватного переводчика с немецкого?

– Еще и с немецкого?! Ты же знаешь, что последний год я только по-испански шпрехаю. Полина, да я язык уже не помню.

– Вот и потренируешься! – Я просто таки увидела, как она нагло потирает ручки и хитро лыбится.

– Это невозможно. У меня работа. Я только из Колумбии...

– Тем более отлично! Скажешь, что у тебя акклиматизация! Болеешь ты!

– Ты с головой дружишь?

– Маха, мне нужна твоя помощь! – голос подруги стал неожиданно серьезным. – Мне больше не к кому обратиться. Мой переводчик в больнице с острым приступом гнойного аппендицита. Завтра прилетают эти куклы, которые ни бельмеса ни по-английски, ни по-русски. Всего два дня. Ты будешь их сопровождающим лицом и переводчиком. От себя могу предложить треть твоей месячной зарплаты за два дня работы и эксклюзив, на котором ты еще наваришь кучу бабла.

– Что за куклы? – вздохнула я, понимая, что отказаться

не смогу. Не имею права.

– Группа немецкая. Absurdes Theater – слышала о таких?

– Как? – перекосилась я. – Театр абсурда? Господи, какой ужас. Что курит их менеджмент?

– Да ну тебя, – отмахнулась Поляка. – Название в меру бессмысленное и дубовое. Не лучше и не хуже других. Они сейчас очень популярны в Европе. Ну Михалычу и приспичило привезти этих малолеток. Я с ног сбилась, чтобы их волшебный райдер выполнить, тоже нашли мне золотую рыбку. Сделай меня птичкой, сделай меня рыбкой. Тьфу! А мне их раком хочется сделать. Они еще не приехали, а я их уже ненавижу.

– Полина, стыдись! – улыбнулась я. – Зачем ты работаешь там, где тебе не нравится?

– Мне нравится моя работа. Мне не нравится, когда какие-то малолетние сопли хотят срубить денег не хуже Мадонны. Там такие требования только по одной охране, что Путин нервно курит в сторонке.

– Немцы параноидально щепетильны. Не думаю, что они просят больше, чем надо.

– Вот ты их знаешь, ты мне и поможешь! Машка, ты ж не хочешь, чтобы я померла? Нет, не хочешь?

– Можно подумать, у меня есть варианты. Ты еще нас всех вместе взятых переживешь пять раз, – недовольно проворчала я.

– Вот и отлично! Жду тебя завтра в Шереметьево в пол-

день. И не опаздывай! – быстро сказала Полинка и повесила трубку, видимо, боясь, что я передумаю.

Я, насупившись, смотрела на противно пищавший телефон. Она вьет из меня веревки. Что с этим можно сделать, как бороться? Я тяжело вздохнула и включила компьютер, чтобы посмотреть, с кем проведу следующие два дня. Стало интересно, что это за малолетки, которые умудрились так сильно напрячь Полину. Она профессионал, работала со многими мировыми звездами, странно, что сейчас подружка жаловалась на кого-то, о ком я даже не слышала. Впрочем, я вообще далека от современной музыки, поэтому зачастую даже не могу порадоваться вместе с подругой, что ей удалось заманить очередную мировую знаменитость в столицу моей родины. Я просто не знаю, кто все эти люди. Запустила Гугл и набрала два слова – Absurdes Theater. Какое тупое название... Палата номер шесть на выезде... Параллельно задала поиск картинок. Пойти кофе что ли сделать... Кто бы знал, как я хочу спать...

Через несколько секунд с монитора на меня уставились симпатичные девчонки (одна со слегка агрессивным макияжем и страшным «гнездом» на голове, которое во времена моей далекой школьной юности мы трепетно называли «взрыв на макаронной фабрике», а вторая с прикольными дредами, в длинной широченной футболке, в бейсболке, отчаянно косящая под хип-хопера) и, в принципе, самые обычные парни (один с красивым телом, но не очень приятным

взглядом, второй похожий на обиженного медвежонка). Что ж, вполне милый ансамбль песни и пляски, наверняка, со слащавыми песнями о несчастной любви. Новая АВБА, не иначе.

Ссылки с информацией привели меня на несколько форумов и сообществ. Читая интервью, я все силилась понять, почему девочек зовут Тиль и Дэнни. Нет, конечно, каждый выпендривается в меру своей испорченности, но называться мужскими именами – увольте... Но самое главное – кто из них близнецы, ведь у парней даже близко нет ничего общего, они разве что двойняшками могут быть...

Из шока я выходила долго...

Оказывается, те две жутко смазливой девочки, это вовсе и не девочки, а те самые близнецы, у которых от близнецов разве что общий пол. Мужской.

Я еще раз внимательно посмотрела фотографии. Да, действительно, солист — мальчик. Очень худой, высокий андрогин. На ногтях черных лак. На голове кошмарный шухер, торчащий «колючками», словно парень каждое утро начинает жизнь с подсоединения к розетке. На лице боевой раскрас индейца, вставшего на тропу войны. Одевается стильно, но есть в этом что-то вызывающее, вроде бы все гармонично, но как-то не так, излишне. Да еще весь в цепях и каких-то цацках. Зовут это чучело с «гнездом» на голове Тиль. Ему почти 18. Зашибись.

Его брат-близнец Даниэль менее креативен в мэйк-апе,

зато превзошел брата в одежде: джинсы и футболки из магазинов «Богатырь» или «Три толстяка» мало подходят юноше, размер которого едва дотянул до 42-го девичьего. Они на нем висят, как на вешалке. На голове шикарный дредастый хвост, спрятанный под повязкой, на которую сверху водружена кепка. Интересно, у него мозг еще не сварился? Если там вообще мозг есть. Судя по интервью, мальчик не слишком интеллектуально развит. Я рассматривала его фотографии. Удивительно красивые глаза. Огромные, наивные, они с удивлением взирают на мир из-под длинных, пушистых ресниц. А вот уже эти же глаза смотрят на тебя с таким потрясающим желанием, что ты таешь, как эскимо в руках ребенка. Или вот еще взгляд – дерзкий, вызывающий, мальчишеский. Он такой разный: то разобиженный пупс с надутыми пухлыми губками, то настоящий мачо, то хитрый пройдоха, то неприступный принц с циничным взглядом. Запрокинутая голова, приоткрытый рот, прилипшие к шее мокрые прядки... Я хочу этого мальчика. И если получится (а куда он денется?), то соблазнить его будет не трудно. Да, решено! Мальчика попробуем охмурить. Одна ночь меня вполне устроит. Хочется забраться под эту хламиду и поиграть с этим маленьким котиком.

Второй гитарист, точнее басист, – Хаген – больше всех похож в этой компании разукрашенного клоуна и оргазмического мальчика на мужчину. Красивое ухоженное, накаченное тело. Тщательно разутюженные волосы. Взгляд игривый,

но не вызывающий, спокойный такой, мужской, самоуверенный. Почему-то в голове вспыхнул образ толстого домашнего кота, который обожрался сметаны, нагадил в любимые хозяйские тапочки и теперь довольно нежится на бархатном платье ненаглядной хозяйки. Вот именно такое у Хагена выражение лица – нашкодившего кота. Он самый старший в группе. Ему двадцать. Ну ничего так... Терпимо...

Клаус – барабанщик – мягкий, плюшевый и удивительно милый. Его хотелось затискать, затаскать, как таскает любимую игрушку ребенок. С ним хотелось играть, как с медвежонком, кормить, одевать, сажать за маленький кукольный столик и учить азбуке. Наверняка он ворчлив и нелюдим. Прикольный паренек. Продюсеры хорошо поработали. Отлично подобран состав. На любой вкус.

Но таки как меня беспокоит юный мачо! Нет, я реально хочу его. От него просто прет сексом. Представляю, что творится с фанатками. Итак, кумир парня – Анджелина Джоли. Я, конечно, не она, но с внешностью вроде бы все в порядке, ни рябая, ни косая, ни кривая – обычная. Даниэль постоянно твердит о своих сексуальных подвигах, стало быть мальчик немного зажат, скромненький и стеснительный. Надо быть осторожной с ним, главное – не спугнуть. А на секс я его разведу как нечего делать. Это будет элементарно. Оденемся сексуально, подразним, изобразим стерву, и он сам падет к моим ногам. Пару часов тебе надо, малыш? Что же (я очень хищно улынулась), думаю, за пару часов ты не управишься.

Глянула на часы и ахнула – почти шесть! Три часа сидела и какой-то ерундой занималась. Ну их к черту! Спать! Немедленно спать хоть пару часов!

Накрывшись одеялом и проваливаясь в сон, я еще раз вспомнила глаза Дэнни. Улыбнулась: докатилась, на малолеток бросаюсь! А что? Я девушка свободная, никому ничем не обязанная, так что имею право. Завтра ночью, Дэнни, ты будешь шептать мое имя и кусать мои губы. Это я тебе обещаю.

Глава 2

Я крутилась перед зеркалом, примеряя очередную юбку. Не то. С верхом определилась быстро: надела красивый черный топ с открытой спиной и глубоким декольте (все-таки на улице обещают +28, не париться же), а вот что нацепить на попу – никак придумать не могла. Перебрав все брюки и юбки в гардеробе, остановилась на легкой джинсовой юбчонке, короткой и романтичной – как раз то, что надо, чтобы покорить юного, сексуально-активного мачо. Плюс тончайшие чулочки-сеточкой – минус мозг мальчика как минимум на следующие 48 часов. Не очень ли откровенно я выгляжу? Нет, все хорошо, спокойно и гармонично, вполне сексуально, но в то же время сдержанно. В любом случае в ресторан с голыми ляжками не пустят. Хотя на самом деле, я б эти дурацкие чулки дома на полке оставила, в них жарко уже от самой мысли о том, что они натянуты на ноги. Главное, чтобы меня потом не посадили за растление малолетних, а то дадут больше, чем он весит. Собрала волосы в два небольших пучка (мучительно не хотелось, чтобы они елозили по шее в такую жару). Вышло презабавно и мило, пучки смотрелись словно рожки. Я хищно улыбнулась отражению в зеркале – чертовка. Провела пальцем по открытой шее – искушительница. Ох, берегись, мачо. Я иду к тебе. Теперь легкий маки-

аж – и я стала похожа на семнадцатилетнюю школьницу. Поправилась себе. Все девки, как девки, одна я королевишна. Я выпятила нижнюю губку и наивно похлопала ресницами, встав в позу капризной пуси, – хороша, очень хороша. Конечно, несолидно в двадцать один выглядеть на семнадцать, но мы будем работать на контрасте. Дальше по плану – маникюрно-педикюрный мастер. Ой, надо еще шефу отзвонить, сказать, что на два дня выпадаю из жизни любимого отдела. Валентин Петрович, или просто Петрович, как называл его отец, был большим другом нашей семьи и по совместительству моим крестным. Когда предки благополучно укатали в Канаду на ПМЖ, бросив меня, 16-летнюю дуреху, в России, они с супругой фактически заменили мне родителей. Нет, на самом деле, я сама категорически отказалась покидать родину, и дядя Валя с тетей Таней пообещали следить за мной как за единственной любимой дочерью. Ну а чтоб дите не отбилось от рук, Петрович пристроил меня к себе в отдел, где я благополучно трудилась последние пять лет и даже добилась каких-то результатов.

До прилета импортных гостей оставалось полтора часа. Решила побыстренькому мотануться в магазин: очень нужна вытяжка, а то ремонт закончила еще два месяца назад, а кухня стоит недоделанная. Вот говорила тетя Таня: «Не бери, Машка, нестандартную мебель, потом под нее замучаешься оборудование подбирать!» Нет, выпендрилась, решила сделать так, как я хочу, а не так, как надо. Теперь мотаюсь с

рулеткой в сумке как заправский прораб – а вдруг вытяжка моей мечты попадется!

Это была очень плохая идея. Продавец-консультант озадачил меня таким количеством вопросов, что я растерялась. Никогда не думала, что тут может быть столько нюансов. Я то планировала всего лишь обмерить вытяжку на предмет прохождения между двумя полками, и, если подойдет, то купить, а вечером или завтра позвать охранника дядю Колю, чтобы тот мне ее повесил. Вместо этого я узнала столько нового, что мозг немедленно вскипел и перестал пропускать какую-либо информацию. А еще парень стал советовать мне хороший кондиционер на кухню... Вот оно мне надо? Загруженная терминами и дополнительными функциями по самый верх, я экстренно распрощалась с молодым человеком и бегом покинула магазин. Все-таки нельзя допускать до этой работы юношей с высоким IQ, они им только таких глупых покупательниц, как я, распугивают.

Ленинградский проспект как обычно стоял в пробке. Кто бы сомневался... Самолет, по уверениям Полины, должен приземлиться через пятнадцать минут. Прибавим сюда полчаса на получение багажа...

Телефон нервно замигал именем подруги.

Еду я, е-ду.

Стою, точнее. Плотно стою. Конкретно так.

Я открыла карту, в надежде найти пути объезда, понимая, что дело это гиблое и бесперспективное. Черт меня дернул

заехать в тот магазин! Потеряла сорок минут драгоценного времени. Увы, путей объезда пробки не существовало. Максимум, который я смогу себе позволить, – это побыстрее добраться до кольцевой автодороги. А дальше?.. Сделала музыку погромче и расслабилась. Толку волноваться? Кондиционер приятно холодил ноги. На улице +28, в моей Toyota Rav 4, которую я ласково называю пепелцем, – +22. Лепота.

Через час я ткнула морду своего пепелаца в первый попавшийся просвет между автомобилями у международного терминала Шереметьево-2 и резвым карьером понеслась в зал прилета, проклиная на чем свет стоит шпильки и дурацкую юбку, норовящую задраться выше положенного. Полина встретила меня гневным взглядом из-под тщательно выщипанных бровей. Идеально нарисованные губы в негодовании скривились.

– Ой! – испуганно пискнула я. – Ты сегодня такая красивая!

– Вечно ты опаздываешь, – зарычала она.

– Прости, любовь моя, – нежно поцеловала ее в щеку. – Ты же знаешь, какие пробки на дорогах! Гнала как сумасшедшая! Ну, где это чучело с «гнездом» на голове? – я заозиралась, пытаясь найти заморскую зверюшку.

– Багаж они никак получить не могут. Наверное, у мальчика так много косметики, что ее не пропускают таможенники – они просто не понимают, зачем парню такой чемодан, думают, что спекулировать будет.

– Злая ты какая-то, – хихикнула я. – Что-то случилось?

– Михалыч мне все нервы измотал, – дулась она, премило складывая губки бантиком. – «Где переводчик, где переводчик?» Надоел уже.

– О'кей, поняла. С меня обед в «Елках-Палках».

– Так просто не отделаешься.

– Хорошо-хорошо. Уговорила! Пойдем в «Ги-Но Таки». Как ты любишь.

– Ну если только туда... И послезавтра! Пока ты опять куда-нибудь не свалила.

– Не, я только через неделю в Иран улетаю. Так что время есть.

– Эх, Маха, удивительная у тебя жизнь. Весь мир, наверное, уже посмотрела.

– Знаешь, иногда очень хочется заснуть не в душном номере на протухших от влажности простынях в какой-то дыре мира, а дома на своей кровати, не опасаясь, что тебя по ошибке пристрелит какой-нибудь обдолбанный мутант или укусит какая-нибудь ползучая тварь. Я вот из Колумбии через Канаду и Амстердам выбиралась. Спасибо Родриго. А то выслал бы меня на родину в бандерольке, вот бы ты локти кусала, что не уделяешь мне внимания.

– Ой, прекрати! Сто лет ты кому-то нужна в бандерольке тебя запаковывать. Ты самый мирный человек из всех, кого я знаю. Хотя, да, нос, иной раз, не туда суешь. И потом, ты сама выбрала такую работу.

– Да, и горжусь этим.

В дверях возникла фигура мужчины. Высокий, крепкий. Взгляд, как у питбуля, готового к нападению, – внимательный, следящий за малейшим движением намеченной жертвы. Один уголок рта-пельмешки чуть вздернут вверх, и не понятно, то ли он противно ухмыляется стоящей перед ним прислуге, то ли просто всех презирает априори. Какой мерзкий тип. Следом шел мужчинка, невысокий, худенький, с простеньким, но удивительно обаятельным лицом. Походка прикольная – как у кошака, знающего себе цену, очень сексуальная. За мужчинкой семенила какая-то худосочная девица в кепочке со стразиками и огромных солнечных очках, если меня не подводит зрение, от Диор, тоже со стразиками. И только когда девица открыла рот, стало понятно, что это тот самый парень, по которому мир сходит с ума.

– Я не поеду ни в какой ресторан. Я хочу в душ, – юная звезда топнула ножкой и упрямо уставилась куда-то в сторону, всем своим видом показывая недовольство.

– Тиль, но нас ждут в ресторане, – удивленно произнес мужчинка. – Ты полчаса назад все уши мне прожужжал, что хочешь есть.

– Я сказал, что хочу в душ, – процедил Тиль настырно. – Точка.

Я посмотрела на стоящих за его спиной ребят и поняла, что решение на самом деле коллективное, просто парень взял на себя смелость его озвучить. А там, где решение

принято коллективом, спорить бесполезно. Полина шумно вздохнула и закатила глаза. Иван Михалыч нервно усмехнулся.

– Что с рестораном? – тихо спросила я у Полли.

– С двух до четырех спецобслуживание. Потом они едут на репетицию.

– Время критично?

– Нет, но это будет стоить мистеру Роджеру лишних десять шиллингов.

Что в переводе на русский язык означало: если парни не уложатся в оговоренное время, контора попадает на деньги. Конечно же, насильно их из-за стола никто не выгонит, но... Мои часы показывали без четверти час. Гостиница в самом центре. Дорога в центр, как не смешно, свободна. Стало быть, до места доберемся за полчаса, ну хорошо, минут за сорок. То есть в половине второго они будут в гостинице, а ресторан в десяти минутах езды от отеля. Ну и отлично!

– Господа, – я шагнула вперед, широко улыбаясь. – Герр... Простите, как вас?

Мужчинка аж перекосялся весь. Ну надо же скорчить такую отвратную мину на мою доброжелательную улыбку.

– Дэвид Фехнер, – сделал он одолжение. – Продюсер.

– Очень, очень приятно, герр Фехнер, – светилась я от радости, протягивая ему руку. – Мария Ефремова.

Он ответил сухим рукопожатием и уставился на Полинку и Михалыча.

– Герр Фехнер, если юноши хотят принять душ, то, думаю, стоит пойти им навстречу, – я встала так, чтобы он повернулся ко мне целиком. Фехнеру подобное расположение собственного тела в пространстве не понравилось.

– Эти юноши сами не знают, чего хотят! – зло выплюнул он.

– Вот и отлично! Вы езжайте в ресторан, а мы с ребятами подтянемся в процессе. Уверена, они смогут без вашей помощи заселиться в гостиницу. Их уже ждут. Никаких проблем не возникнет. Обещаю.

– А вы, собственно, кто? – рывкнул отчего-то взбешенный Фехнер.

– Это Мария Ефремова, сопровождающая группы, – наконец-то Полина соизволила нас представить. – Переводчик. Она будет помогать вам решать все организационные вопросы, координировать работу с журналистами, в общем, делать все возможное, чтобы мы понимали друг друга.

Ее английский был выше всяких похвал. Но, кажется, Фехнер не слишком хорошо понимал сей басурманский язык. Ну да леший с ним, разберется. Какое счастье, что мне на растерзание выдали мальчишек, а не этого ворчуна. Только вот про подобный объем работ Полина мне вчера ничего не сказала. Мы договаривались исключительно о синхронных переводах, а никак не о координации работы журналистов и организационных вопросах. Спорный вопрос кто кого в японский ресторан поведет.

– О'кей, – дал добро злой продюсер. – А вы, похоже, фрау Воропаева? Паулина Воропаева? Через вас мы вели все переговоры?

Новоявленная Паулина любезно кивнула. Подруга пригласила Фехнера к стоящему чуть поодаль шефу. Я ухмыльнулась, глядя ему вслед: дядька явно голодный, судя по синякам под глазами – не выспавшийся, судя по помятости – вообще разбитый весь (наверное, он вчера знатно погулял), а тут еще эти малолетние звезды пальцы гнут. Ему бы поест да поспать, и через несколько часов он будет прелестной душкой. А вот Полинка овца еще та! Ума не хватило представить меня группе? Ох, всё сама, всё сама.

– Господа, – я опять расцвела, стремительно приближаясь к группе. Дэн и Хаген смотрели с интересом. Клаус скорчил безобразную гримасу. Тиль набычился, приготовившись к нападению. Ага, сейчас, милок, так я тебе и позволю со мной бодаться! – Господа! Пока начальство разбирается со своими начальственными делами, давайте познакомимся. Меня зовут Мария. Я ваш переводчик. Буду сопровождать группу везде и всюду.

– Даже в душ? – съехидничал Дэн, соорудив одну из своих кокетливых рожиц.

– Если тебе там понадобится помощь переводчика в общении с краном, то даже в душ, – не менее ехидно отозвалась я.

Ребята заулыбались. Напряжение немного спадало. И

только Тиль все еще недовольно поглядывал в мою сторону.

– Предлагаю заехать в гостиницу, принять душ, переодеться и в ресторан. Надеюсь, сорока пяти минут вам хватит на то, чтобы привести себя в порядок?

– Мне нужен час, – капризно сжал губки Тиль.

– О'кей, я даю вам полчаса. И ни минутой больше. В противном случае обедать будете в ужин. Вопросы? – я улыбалась, но говорила очень строго и безапелляционно.

– Мне нужен час, – настаивал парень.

– Тиль, сейчас твое время пребывания в гостинице сократится до десяти минут. Пожалей друзей, – произнесла это таким тоном, чтобы было понятно – спорить я не намерена, будет так, как я сказала.

Он смерил меня уничижительным взглядом и отправился следом за охранником.

– Меня зовут, Клаус, – улыбался барабанщик, плюшевый, мягкий и чертовски забавный. – Только не надо звать меня Сантой. Я терпеть этого не могу.

– Как скажешь, – быстро согласилась я.

– Дэн, – задорно рассмеялся парень, схватил меня за руку и от души ее потряс.

– Мне очень приятно с вами познакомиться, – не соврав ни разу, заявила я.

– Хаген, – томно сообщил басист, прильнув губами к моей... ладошке.

– А вон то, – Дэн махнул в сторону сбежавшего солиста, –

мой младший брат-близнец Тиль. Он не всегда такая зануда.

– Скажешь тоже, – гыкнул Хаген.

– Чаще всего он гораздо большая зануда, – хохотнул Клаус.

Так я подружилась с группой.

Наконец-то пять тележек доверху нагроузили огромными чемоданами. Юные звезды взяли по тележке и... повезли свой багаж. Я обалдела. Никакого тебе понта, никаких выкрутасов, так просто и мило. И только Тиль, подхватив небольшой чемоданчик на колесиках (наверное, ту самую косметичку), задрав нос, гордо прошествовал на выход из аэропорта. Это так кошмарно смотрелось со стороны. По дороге нам попадались стайки фанаток, которые при приближении ребят забавно повизгивали и подпрыгивали от переизбытка чувств. Вспышки. Вспышки. Вспышки. Они ослепляют. Нервируют. Пугают. Но, кажется, никого кроме меня папарацци не напрягали. По крайней мере, Фехнеру и Клаусу было абсолютно все равно, они не обращали внимания на фотографов, Дэн и Хаген с удовольствием кривлялись на камеры, а Тиль прикинулся ветошью и постарался проскочить неприятный живой коридор побыстрее.

– Ты ведь с нами поедешь? – как бы между прочим поинтересовался Дэн около машины. Во взгляде читалось желание и насмешка. Рот приоткрыт. Заметно как кончик языка крутится около колечка пирсинга сбоку на губе. Иногда колечко подергивается, привлекая к себе внимание. Я поймала

себя на мысли, что постоянно смотрю на его губы. Такие притягательные, такие нежные, влажные, манящие. Спорный вопрос, кто кого тут соблазняет. Эх, дожить бы до вечера, а то парнишку я в буквальном смысле слова изнасилую в ближайшем укромном местечке в ближайшее же время.

Я глянула на него кокетливо и покачала головой, произнесла снисходительно:

– У меня машина. Своя машина.

Дэн раздумывал. Я уж подумала, что он сейчас поедет со мной. И даже успела расстроиться – мне хотелось игры и маленького завоевания этого мальчика, а он сам ко мне активно лезет. Стало не интересно.

– Не отставай, – произнес милый эльф и смешной походкой отправился к друзьям.

Отлично! Один – один. Следующий шаг за мной.

В гостинице мы действительно зарегистрировались очень быстро. Хмурый Фехнер бродил по коридору, наблюдая, как куча чемоданов плавно перебирается в номера ребят. Мальчишки в свою очередь ходили друг к другу в гости, выясняя, чей номер лучше, у кого ванна просторнее, а постель шире. Один Тиль с повизгиванием, что у него в номере настоящее «супружеское ложе» чего стоил. Зато у Дэна оказался самый большой санузел. У Хагена – шикарный вид на Кремль. А Клаус порадовался крышам московских дворишков – они такие романтичные. «И ужасно облезлые» – подумала я. Время стремительно улетучивалось.

– Детский сад, – вздохнула я.

– А я с самого начала говорил, что это глупо, – раздраженно поддакнул Дэвид.

– Как вы управляетесь с этим зоопарком? – поинтересовалась я с сочувствием.

– Это они сейчас стали немного поспокойнее, – доверительно сообщил продюсер. – А вот прошлый тур я вспоминаю как многомесячный кошмарный сон. Вот только никак не получалось проснуться.

– Надеюсь, вы после него знатно отдохнули?

– Какой там... – махнул он рукой и скривился.

– А что так? – не унималась я.

Увы, чем насолили ребята своему биг боссу, мне узнать не удалось, ибо появился первый свежевыкупанный музыкант – Клаус. Он переоделся в шорты и майку, нацепил на мокрые волосы бейсболку. Вид совершенно незвездный. Обычный парень. Будущий типичный бургер. Вторым, как ни странно, в коридор выполз Тиль. Я думала, что мы на самом деле будем ждать его вечность, и даже придумала, как отомщу этой капуше, но солисту удалось меня приятно удивить. Он сменил одежду, посвежел и похорошел, выражение на лице только так и оставалось противно-обиженным – губки бантиком, бровки домиком, глазки узкие. Тьфу!

Мой любимый мачо во всем белом, словно невеста перед алтарем, вышел с такой улыбкой на лице, что я предпочла занять стул, ловко убравшись с диванчика, на который тот на-

целился на свободное место между мной и Дэвидом, – зачем искушать мое голодное тело и возбужденный разум. Вот насколько асексуален для меня его брат, настолько же Дэн будоражил мое воображение каждым своим движением.

– А чего ты так с дивана рванула? – он удивленно поднял брови и обиженно выпятил нижнюю губу, остановившись едва ли не на моих отпедикюренных пальцах.

– Тебя испугалась, – тут же вставил Тиль.

Все засмеялись, кроме нас с Фехнером. Дэн одарил меня взглядом, от которого внизу живота все тут же наполнилось томлением.

– Эй, малыш, ты слишком много разговариваешь, – выдал Дэн, лениво покидая мое личное пространство.

– Кто еще тут малыш? Минус пять сантиметров, – презрительно ухмыляясь, бросил Тиль.

– Это вы какой частью тела меряетесь? – скромно поинтересовалась я.

Почему-то вопрос вызвал хохот даже у охранников, стоящих невдалеке. Мне нравятся эти ребята. Веселые такие!

Когда Хаген соизволил осчастливить нас своей персоной, все уже не просто нервничали, а весьма серьезно злились. Четверо голодных мужчин на столь малый объем гостиничной площади – это явный перебор. Отпустив по поводу медлительности друга пару сальных шуток и получив инструкцию по поведению с фанатками, стоящих около входа, парни не спеша отправились вниз.

– Ты опять на машине? – ехидно спросил Дэн в лифте. И с издевкой добавил: – На своей машине?

– Вынуждена тебя огорчить, – ухмылочка стервы. – С этого момента и до сдачи вас на таможне в аэропорту, я буду неотступно следовать за тобой, куда бы ты ни пошел.

Дэн тут же сделал глаза большими и с притворным удивлением воскликнул:

– И ночевать со мной будешь? – Все повернулись и с интересом уставились на меня. Даже Фехнер.

– Зачем? Ночевать ты будешь со своим мишкой Тедди. Надеюсь, ты не забыл его дома? – шепнула я ему на ухо, прикусив язык, чтобы не дотронуться до мочки. Дэн так покраснел! А сквозь мое тело словно ток пропустили, настолько сильно подействовали его близость и запах. Господи, разум, держи тело под контролем!

В одном из интервью, которое я прочитала несколько часов назад, Дэн, издеваясь над братом, сообщил журналисту, что Тиль не может заснуть без поцелуя мамы на ночь. Тиль в долгу не остался и тоже сдал близнеца, заявив, что Дэна мучает бессонница, если рядом нет его любимого плюшевого мишки Тедди. Что-то мне подсказывало – с тех пор ребят завалили плюшевыми медведями всех мастей и размеров, впору магазин открывать.

Дэну нравилась игра в соблазнителя. Я чувствовала это кожей. Его хитрые взгляды из-под чуть опущенных ресниц, язык, постоянно теребящий пирсинг, влажные губы. Слиш-

ком близко стоит, случайные прикосновения... Но меня при этом не покидало странное чувство – он вел себя как неуверенный молодой кот, дорвавшийся до бесхозной крынки со сметаной, когда и рад бы немедленно слопать, да страшно – вдруг по шее получит. Он ходил по грани, через которую безумно боялся переступить. Но ходил с гордо поднятой головой, всем своим видом показывая собственную крутизну. Или все это мои выдумки?

По идее, они должны были давать автографы собравшимся у подъезда девочкам. По крайней мере, собирались это сделать. Тиль очень дергался и нервничал. Я видела, как он крутит в руках маркер, то снимая, то надевая колпачок. Клаус и Хаген стояли внешне совершенно спокойные, шутили. Но Клаус постоянно барабанил пальцами по любой попадающейся под руку поверхности, а Хаген поправлял волосы – нервы ни к черту. И только Дэн беззаботно рассказывал мне совершенно несмешной анекдот, и сам же над ним угорал. Фехнер о чем-то трепался с Полиной и бригадиром телохранителей. Охрана похожа на доберманов – боевые стойки. Готовность номер один.

– Работаем, – коротко бросил Тиль и... на лице засветилась улыбка.

Они шагнули в стеклянные двери-вертушки как на эшафот.

Сзади меня шли Поинка и Фехнер. Подруга ворчала: – Черти их раздери! Говорила же, что надо другой отель.

Нет, они этот захотели! А этим малолеткам сейчас жопы надерут, будут знать!

– О чем ты?

– Тут черного хода нет. А через служебный администрация категорически запретила проводить гостей.

– Да ладно, – хихикнула я, – кому они нужны...

Меня припечатало к Полине оглушительным визгом. Размалеванные девочки-подростки визжали так, что казалось, мир сейчас лопнет! А потом они на нас напали... Вот так натурально напали. Нам с Полиной еще повезло, мы шли за ребятами, и на нас попросту никто не обратил никакого внимания, а вот близнецам досталось по полной программе, не смотря на все усилия охраны: визжащая толпа с двух сторон сомкнулась и ее заштормило. Я с ужасом наблюдала с высоты ступеней за белой бейсболкой Дэна, которая как поплавок на волнах металась туда-сюда, да за руками, отчаянно пытающимися собрать медовые дреды и спрятать их подальше – почему-то девушки решили оставить его волосы себе на память. Бедный мальчик! Тиль как-то весь собрался и проскочил толпу. Его телохранитель, тот самый неприятный тип с ртом-пельмешкой, именуемый народом Зако Струве, обхватил подопечного за плечики и протащил сквозь толпу к машине практически без потерь. Хагену и Клаусу помог наш доблестный ОМОН, так что эта часть группы вообще ни разу не пострадала. Фехнер тронул меня за локоть, кивнул в сторону минивэна. Полинка поехала в машине со своей охра-

ной.

– Что это? – ошарашено произнесла я, когда за нами захлопнулась дверь.

– Фанатки, – равнодушно пожал плечами Дэвид. – Дэн, тебе помощь нужна?

Самое прилично слово из небольшого, но весьма емкого монолога Дэна было – *scheisse*, то есть дерьмо.

Обед прошел в молчании. Дэн все еще хмурился. Клаус, как я поняла, вообще редко подавал признаки жизни. Тиль бросал какие-то подозрительно долгие взгляды на брата. Хаген ушел в себя и не обещал вернуться. Лишь Дэвид и Полина тихонечко чирикали между собой, и я не хотела нарушать их идиллии. Господи, всего два дня. Мне надо потерпеть всего два дня. Зачем я согласилась? Скучно, как же скучно! Да, обед в дорогом ресторане на халяву – это чудесно. Да, по Москве покатают, в клуб сводят – это отлично. Но я же протухну с этими немецкими товарищами. Они ж просто невыносимо скучны. Звезды, елки-палки, звездуны несчастные. Я ковырялась вилкой в десерте, подперев голову рукой: очень удобно, когда тебе надо придержать челюсть от постоянных зеваний. А вот Клаус даже не прятался, зевал так, что гланды видны.

– Ты загрустила? – нежно спросил Дэн.

– Да что-то вы меня не радуете, – откровенно ляпнула я.

– А должны? – он приподнял бровь.

– Мне про вас рассказывали совсем другое.

– Что именно? – не отставал парень.

– Ну... – протянула я, пытаюсь на ходу придумать что-нибудь правдоподобное. – Ну... Например, что вы веселые и очень общительные. Что ты остроумен.

Все вновь заинтересованно уставились на мою скромную персонку.

– Разве нет? – расцвел Дэнни.

– Да я сейчас скончаюсь со скуки. Мы с Клаусом, – Клаус вздрогнул и прикрыл распахнутый рот ладонью, – заснем прямо тут, лицом в десерте. Такое чувство, что мы на похоронах моей молодости.

– Машка! – возмутилась Полинка.

– А что все сидят с такими лицами? – буркнула я, уставившись в сладкую шоколадную массу.

– А действительно! Чего все сидят с такими хмурыми лицами? – поддержал меня Хаген. – Дэн, ты обратил внимание на девчонок, пока мы в машине ехали?

Тиль протяжно вздохнул и закатил глаза. Насколько я успела заметить, выражение лица – меня окружают идиоты – его самое любимое. Дэн... покраснел. Я едва успела зафиксировать уголки губ, не позволяя им растянуться в довольной насмешке. Сборище придурков. Полли, как обычно, оказалась права.

– Кстати, да! Как тебе наши девушки, Дэн? Ты же у нас главный мачо планеты, – ехидно поддержала я Хагена. Дэн стал бордовым.

– Ничего так, – он развалился на стуле и широко расставил ноги, ухватившись за край необъятных размеров футболки. – Красивые цыпочки. Я б с удовольствием одну из них поимел.

Он пристально смотрел мне в глаза. Не моргая, не отводя взгляда. Прямо и открыто, с вызовом. Лицо чуть тронуто улыбкой. Язык опять скользит по верхней губе, а потом колечко пирсинга едва заметно дергается, привлекая к себе внимание.

Я тяжело вздохнула, словно узнала о чем-то невыносимо грустном и скучном.

– Не знаю, не знаю... – покачала головой, – светит ли тебе хоть что-то. В России такие порядочные девушки... Да, Полина?

– Охренеть, какие порядочные, – пробормотала Полина по-русски с сарказмом. – Кончай над человеком издеваться. Нашла с кем бодаться.

– Он прикольный, – отозвалась я на родном языке, посмотрев на нее загадочно.

Полина все поняла.

– Он несовершеннолетний. Тебя посадят за растление малолетних. Отвали от ребенка.

– Ревнуешь?

– Вот еще. У меня есть поинтересней вариант.

Я обратила внимание, что Клаус пристально смотрит на нас. Так обычно смотрят, когда не очень хорошо знают язык

и ловят каждое слово, срывающееся с губ, пытаюсь не упустить смысл.

– А ты как считаешь? – повернулась я к парню, задав вопрос на русском.

Клаус растерянно уставился на меня, потом перевел взгляд на ребят и достаточно чисто ответил:

– Я не очень хорошо говорю по-русски.

Мы с Полинкой таинственно переглянулись («Я обязательно его заполучу!» – говорила я всем своим умиленным видом. «Ну-ну» – улыбалась она), чем окончательно смутили музыканта, и вновь принялись за десерт.

Саунд-чек, а по-человечески говоря репетиция, прошел веселее обеда. Сначала ребята настраивали инструменты, периодически поругиваясь с обслуживающим персоналом, и в моих услугах совершенно не нуждались. Потом Тиль покапризничал – его голос, несшийся из динамиков, подозрительно дребезжал и вообще был каким-то странно-высоким. Он ходил по сцене, пробовал звук то так, то этак, и что-то неразборчиво ворчал. Звукорежиссер подстраивался-подстраивался, но Тиль только все противнее и противнее ворчал. Фехнер и Полина тоже занимались делами. И только я сидела и от скуки не знала, куда себя применить. Попробовала пообщаться с охранниками. Зако глянул на меня, как голодный орел на мышь, – решила отстать, пока не заклевал. Тоби, охранник Дэна, мужчина крупный, с каким-то пронзительным стеклянным взглядом как у терминатора и тонкой

ниткой губ, приветливо улыбнулся моей любопытной персоне и с удовольствием рассказал, что и как они планируют делать на концерте. Сейчас готовят много воды – это для девочек в фанатской и танцевальной зонах. Будет очень жарко, душно и у них начнется обезвоживание еще до концерта. Поэтому наши российские секьюрити будут поить девчонок, и вытаскивать из толпы тех, кто вознамерится потерять сознание. Их поведут в дальний угол за сценой, где медики готовят воду и нашатырь. Обязательно будет дежурить бригада реаниматологов, мало ли что произойдет. Жесть какая. Да что может произойти? В Москве каждую неделю какая-то звезда мирового масштаба выступает – и ничего. Вон Мадонна пела-плясала, и все живы здоровы. А тут какие-то малолетки... Хотя... Тиль что-то рявкнул в микрофон, выводя меня из задумчивости. Тоби даже не повернулся в сторону солиста, извинился и скрылся в полумраке зала. Дэн пошел успокаивать брата. Фехнер засуетился.

– Что там? – спросила я у Полины.

– Звук...

– Ну что они за два часа ему звук не выстроят?

– Скоро народ запустят. У нас есть максимум полчаса.

– Уверена, они профессионалы...

– Причем тут это? – подскочила она раздраженно и унеслась куда-то.

Я осталась одна вся из себя обиженная. Подумаешь, какие все нежные... Ну и леший с вами. Ушла в буфет для персо-

нала.

До концерта оставался неполный час. Мальчишки опять были заняты сами собой, что несказанно меня радовало – все-таки мой язык неказенный. Фехнер и Полина решили «поланчеваться». Мне же оставалось тупо стоять у окна и созерцать происходящую вакханалию, которую устроили на улице около «Олимпийского» фанаты группы. Только вот отчего-то я бы не хотела оказаться в той толпе. Неимоверную кучу подростков ОМОН пытался призвать к порядку. Мужчины в сером двигали разноцветную массу от здания заграждениями вниз по ступеням. Но подростки вовсе не собирались никуда призываться и всячески сопротивлялись своему отторжению от вожделенных подъездов. ОМОН старался быть вежливым, организовывая коридор для прохода. Девушки стояли насмерть и никакого коридора организовать не давали. Так они и бодались туда-сюда. Дело кончилось тем, что слабые инфантильные детки прорвали оцепление ОМОНА и со всех ног понеслись к подъездам. Когда здоровые мужики поняли, что произошло, спасти ситуацию стало поздно, не подавили бы друг друга, глупенькие. Около подъездов вновь организовалась давка. Это что-то страшное! Никогда не думала, что из-за какой-то рок-группы могут возникнуть такие ужасные ситуации.

Выпитые за день напитки прошли свой цикл по моему организму и запросились наружу. Я с сожалением оторвалась от представления на улице и направилась на поиски нужного

помещения.

То ли мне так повезло, то ли этаж был особенным, но женских туалетов здесь не оказалось. Минут через пятнадцать мне стало наплевать на буковку на двери, и я влетела в первый попавшийся, решив, что ничего постыдного в этом нет, тем более, что особой мужского пола поблизости не наблюдалось.

Я подтягивала чулки в кабинке, поправляя сбившуюся резинку, когда кто-то вошел. Ноги обдало сквозняком от закрывающейся двери. Знакомые голоса о чем-то ожесточенно спорили. Голос Дэна я узнала сразу же. А второй... Кажется Хаген... Да, Хаген!

– Нет, ну она же клеевая телка! – восторженно вещал Дэн. – И глаз с меня не сводит!

– Дурак, она просто тебя разводит и дразнит.

– Да прекрати ты, она меня реально хочет. Я же вижу, как она поворачивается, как изгибается. Она хочет меня. Посмотри на ее рот. Он всегда влажный и она постоянно облизывается.

Ого! Мальчишки решили кого-то снять, – улыбнулась я.

– Дебил! На улице жара! Ты сам постоянно облизываешься.

– А как она передо мной задницей крутит? Она словно говорит: «Да, да, вставь мне, детка!» А рот? Только представь, как она это будет делать ртом! – он произнес фразу удивительно страстно, и я очень хорошо представила себе, как кто-

то мягко и аккуратно... Нет, это из другой оперы...

– Шенк, у тебя спермопередоз на фоне страшного недо-траха! Тебе надо меньше порнухи смотреть. Ты выдаешь желаемое за действительное.

– Нет же! Вот увидишь, этой ночью я ее трахну!

– Не даст она тебе.

– Даст! Спорим? У нее такие сиськи! А задница... О, я весь в предвкушении.

Хаген засмеялся.

Шум воды. Включилась сушилка для рук, и мне стало плохо слышно.

– Мария не даст! Она пошлет тебя.

Упс! Нормально... Видимо, в тот день на моего ангела снизошла благодать – неожиданно для себя я оказалась в нужном месте в нужное время. Вот только тема разговора меня внезапно перестала забавлять. Внутри все закипело. Ненавижу, когда на меня спорят! Вот просто до трясучки ненавижу! До кровавых зайчиков в глазах ненавижу! Да, сегодня я бы с радостью провела с тобой ночь. Да, я провоцирую тебя и дразню. Да, я хочу тебя. Но я ненавижу, когда на меня спорят. Резко и бесшумно распахнула дверь, намереваясь врезать Дэну по морде. Ребята стояли в проходе. Дэн ко мне спиной, а вот Хаген...

– Спорим, что я ее трахну? На что?

...Хаген меня увидел. И от неожиданности замер.

– Дэн... – проблеял неуверенно.

Но Дэн уже активно имел меня в своих фантазиях, поэтому предупреждения друга не услышал.

– Не веришь? Чтобы подтвердить выигранный спор, я оставляю у нее засос где-нибудь на видном месте. На желание! Давай спорить на желание!

Я сжала зубы покрепче, прожигая спину мальчишки гневным взглядом. Не-на-ви-жу! Хаген косился на меня. Ситуация наиглупейшая.

– Мой бог! Эти сиськи меня с ума сводят. Они такие большие! Как ты думаешь, они силиконовые или натуральные?

Ну разве можно сердиться на это ходячее недоразумение? Я широко улыбнулась, стараясь не засмеяться в голос, и приложила палец к губам, умоляя Хагена не выдавать моего присутствия. Уголки его губ довольно растянулись, он посмотрел лукаво и уверенно заявил:

– Натуральные у нее сиськи, Дэн. И все-таки я продолжаю настаивать, что теперь ты ее точно не трахнешь. Только спорить я с тобой не буду. Потому что ты, Шенк, дурак каких поискать надо. Пошли отсюда, а то с Тилем истерика случится.

– Вот еще! Поссать нельзя сходить? – фыркнул мачо, гордо проплывая как каравелла мимо друга к дверям.

– Э, нет, мой хороший, – прошептала я ему вслед. – Теперь уж ты обломаешься по полной программе. Ишь чего удумал, сопля зеленая! Спорить на меня! Ха! Приходи смотреть.

В голове творился какой-то кавардак. С одной стороны, я действительно хотела Дэна и всячески ему это демонстрировала. А вот с другой стороны... Черт! Э, нет, дорогуша. Дураков учить надо. Впредь умнее будет.

Когда я тенью скользнула в гримерную, там бушевала буря. Фехнер орал на Тиля, а Тиль, в свою очередь, орал на Фехнера. Делали это они одновременно, и я даже примерно не могла понять, о чем они спорят. Клаус стоял у окна и, как и я несколько минут назад, с удовольствием рассматривал спешащий на концерт народ. Хаген что-то сосредоточенно пытался протренировать на гитаре, но ругающиеся коллеги сбивали его. Он недовольно встряхивал головой, скидывая волосы с лица, и хмурился. Дэн ел виноград полулежа на диванчике. При виде меня он сразу засветился и развалился еще больше, широко расставив ноги. Сесть некуда. Разве что копытца мачо скинуть. Я с очаровательнейшей соблазнительной улыбочкой продефилировала к нему, слегка покачивая бедрами (Хаген на момент этих пятнадцати шагов даже играть перестал, а Тиль проследил мой путь с приоткрытым ртом и офигевшими глазами – да, мальчик, я такая).

– Приземлиться можно? – чуть выпятила губки. Голос обволакивающий, завораживающий, укутывающий.

– Чего? – растерялся он.

«Чего-чего! Я говорю, посадку давай!» – улыбнулась, вспомнив фразку из любимого мультфильма.

– Разрешите присесть? – еще более сладко и эротичнее.

Фактически делаю ему неприличное предложение.

Ор за спиной прекратился. Я чувствовала, что все четверо сейчас смотрят на нас с Дэном. Не спеша поворачиваю голову, демонстрируя ему длинную шею, которая снизу кажется еще длиннее из-за выреза. Да, так и есть. У Тиля такой вид, что и словами не описать. Наверное, если бы я сейчас залезла на Дэна сверху, он бы меньше удивился. Фехнер скособочился весь, губы слегка кривятся в улыбке. Клаус прикрыл пол-лица ладонью, глаза смеются. И только Хаген на нас не смотрит, спрятался в волосах, плечи подрагивают – беззвучно ржет.

– Куда присесть? – лопочет Дэн.

Ребята не видят моего лица, и я беспощадно пользуюсь своим положением: многозначительный взгляд облизывает его тело, едва-едва задерживаясь на животе, язык легко смачивает пересохшие от жары губы. Дэн как-то странно дернулся.

– Рядом, – выдыхаю тихо.

– По... Пожа... Конечно... – Он торопливо скидывает лапки и отодвигается на самый край. Дурашка...

Я сажусь совсем близко к нему, хотя места достаточно. Дэн зажат в углу. Нога к ноге. Бедро к бедру. Локоть к локтю. Он ерзает. Мне даже кажется, что парень возбужден. Что ж, это очень хорошо.

– Господа, что-то не так? – наивность в тоне и во взгляде зашкаливает все мыслимые показатели.

Они разом начинают трясти головами.

– Всё хорошо, – бормочут. – Всё отлично.

– Я пойду, – кидает Фехнер и торопливо выбегает из примерки. Куда это он?

Тиль продолжает пялиться на нас. Хорошо, хоть рот закрыл. Краснота на щеках видна даже под тремя слоями тонального крема и пудры. Еще одна жертва полового воздержания. Хаген опять начинает что-то бренчать.

– Дэн, – тяну имя, как карамельную тянучку. – Пожалуйста, – смотрю в глаза невинно. – Сыграй для меня, – подтекстом «трахни меня».

Даже не ожидала, что так сильно действую на него. Для того чтобы встать с глубокого мягкого дивана, Дэну пришлось воспользоваться моей коленкой. Рука потная, холодная и трясется. У него стресс. Хороший такой, жесткий стресс. Надо ослабить хватку. Как жаль, что футболка огромная! Очень хочется проверить догадку о возбуждении, а по походке определить не могу.

Он уселся на подлокотник, водрузив ногу на сиденье, провел по струнам, подстраивая инструмент.

– Хаген, – подмигнул басисту и заиграл.

Тиль широко улыбнулся, захихикал. Клаус отбивал ритм пальцами по столешнице. Дэн запел! Обалденным голосом! Они пели одну из своих песен, раскладывая ее на голоса. Я слушала, широко улыбаясь, кивая в такт головой. И это было настолько прекрасно, что я позабыла про включенный ре-

жим «Стерва», смотрела на них восторженно и делала робкие попытки подпеть на повторяющихся строчках припева.

– Спасибо, – вымолвила восхищенно.

– А я не только на гитаре играть умею, – ухмыльнулся ма-
чо плотоядно, и я тут же вернулась с небес на землю. Черт!
Я же тебя хотела проучить... Уши развесила, песней заслу-
шалась...

– Ого! Ты настолько талантлив?

– О да! У меня знаешь какой большой талант. Девушки
хвалят.

– Девушки хвалят? – произнесла язвительно.

– Н-да, – Дэн отклячил пухлую нижнюю губку, лениво
провел языком туда-сюда по колечку пирсинга и медленно
опустил глаза в вырез на моей груди. – У тебя очень краси-
вые глаза. Большие такие... Как я люблю...

Я одарила его ехидной улыбкой и взглядом с поволокой,
кончик языка вновь прошелся по губам.

– Для того, чтобы любить большие, надо иметь большой, –
бросила тихим сексуальным голосом.

Мальчишки захохотали. Все, кроме Дэна. Шенк-старший
ядовито прищурился, губешки обиженно изогнулись. Он
был до такой степени уверен в себе, что, ни на мгновение не
задумываясь о последствиях, ляпнул:

– А ты сомневаешься, что у меня большой.

– Снимай штаны, сейчас померяем. – И изящным жестом
я вынула из сумочки рулетку. Хоть когда-то пригодилась.

Хаген свалился с противоположного дивана с приступом хохота. Клаус сполз с кресла и встал на четвереньки, рыдая от смеха. Тиль согнулся пополам, иногда всхлипывая и издавая какие-то нечленораздельные звуки. И только мы с Дэном продолжали вежливо скалиться друг другу. Мачо не нашелся, что ответить.

– Ну что же ты? – прохрюкал откуда-то снизу Тиль, чем вызвал очередные смеховые подвывания друзей.

Дэн кинул на брата презрительный взгляд и гордо заявил:

– А ты, я смотрю, опытная, часто мерить приходится?

– Да под твоей ночнушкой даже мерить нечего, все и так понятно, иначе зачем так прикрываться? – отрезала я.

Дэн словно красна девица залился краской.

– Хватит ржать, уроды! – рывкнул он на друзей и удалился. Была б возможность кого-нибудь пнуть, он бы наверняка пнул, не щадя кроссовок. Лишь гитара жалобно звякнула, свалившись.

Мальчишки продолжали хохотать. Я расстроено смотрела на дверь и чувствовала себя последней свиньей. Вся сексуальность во мне исчезла с уходом Дэна, осталось лишь разочарование, да чувство вины не давало покоя. Зря я так его при всех опустила. Жестко вышло и очень жестоко. Ладно он – мальчишка непутевый, но я-то – взрослая девушка...

Глава 3

Хаген вытолкнул меня в коридор:

– Иди, иди!

– Хаген, я тут побуду, – проныла. – Я терпеть не могу шум...

– Иди, я сказал, – подтолкнул он.

– Оно того стоит, – улыбнулся Клаус, беря меня за руку, чтоб, наверное, я не сбежала.

– Где мой микрофон?! – заметался Тиль.

– У меня в кармане, – апатично вздохнул Дэн, даже не потрудившись оторваться от гитары. Он кривился, постоянно подкручивал колки, вслушивался в издаваемый звук и опять кривился. – Дерьмо! – психанул в конце концов.

– Пятиминутная готовность, – вынырнул откуда-то из темноты коридора Зако.

– Ребята, я, правда, не люблю рок, – отбрыкивалась я от музыкантов. – Слушайте, мы так не договаривались. Ну можно я хотя бы где-нибудь подальше от колонок посижу?

Дэн повернулся и мрачно посмотрел на меня, сердито сдвинув брови. Я притихла.

– Черт! С какой песни мы начинаем? – опять нервно воскликнул Тиль.

– Всё с той же, – буркнул Дэн.

– А сколько там народу? – тихо спросила я у Клауса.

– Тридцать тысяч, – отозвался Зако.

– Твою мать! – ахнула я. – Полный зал что ли?

– А у нас по-другому не бывает, – Клаус гордо расправил плечи. – Всегда аншлаг.

– Можно хотя бы сейчас не говорить о зрителях?! – взорвался Тиль.

Сбоку противно шипели рации на поясах охраны – то одна, то другая, то третья. Зако что-то послушал, ответил и, глянув на мальчишек, кивнул:

– Готовы?

– Да, – набрал воздуха в грудь Тиль. – Работаем.

Дэн поправил ремень на плече и понесся на сцену. И как он не путается в своих длинных штанах?

Клаус последовал следом. Хаген внимательно вслушивался в начавшееся жужжание гитары Дэна. Убежал.

Тиль сосредоточенно глубоко дышал, глядя в никуда. Микрофон в руках ходит ходуном. Замер, словно приготовился к прыжку... Запел!

Я занервничала, думала, что он опоздал со вступлением, вот и начал петь за сценой, однако, судя по невозмутимым лицам бодигардов, все шло по плану. Тиль легко взлетел по ступенькам и зал взревел!

Первые две песни я прослушала, сидя на каких-то ящиках в технической зоне. Зал не видно, лишь многочисленные вспышки звездочками появлялись то там, то тут, да ор стоит

такой, что Тиля практически не слышно. Он поет, напрягается, фактически кричит в микрофон, но звук, видимо, так и не смогли нормально настроить. Камера неотступно следит за солистом, передавая изображение на два больших экрана. Чаще Тиля на экранах показывают только Клауса. Еще мне видно кусок партера, руки, тянущиеся к Тилу и Дэну. Хаген с другой стороны сцены, которая вне зоны моего виденья. Вижу, как охранники то и дело отводят в медпункт девушек... А ведь концерт только начался... Зако сидит на соседнем ящике, пишет кому-то смс и улыбается тепло и нежно. Полинку где-то черти носят. Фехнера давно не видно.

Неожиданно прожектора осветили зал. И я увидела «Олимпийский» во всей его красе. Тысячи, десятки тысяч человек отдавались этому тоненькому и невесомому подrostку полностью, без остатка. Они тянули к нему руки и визжали! Море рук! Океан рук! Все внимание приковано к нему. Я видела глаза Тили, который наслаждался сумасшествием поклонников. Лучшая музыка для его слуха. Лучшая картинка для его взгляда. Он кайфовал. В какой-то момент мне показалось, что на зал смотрит сам бог, величественно и снисходительно. А потом я заметила искорки в его глазах. Он был счастлив. И он недоумевал – неужели это всё ради меня?

– Привьет, Москва! Как дия? – прокричал он на русском. – Спа-си-бо!

И зал ответил ему взрывом эмоций! Да-да! Это был

атомный взрыв в отдельно взятом помещении. Как крыша «Олимпийского» удержалась на месте, я до сих пор не понимаю. От зала шла волна всеобщего обожания. Настолько она сильная, такая она мощная. И он – бог этой энергии!

– Let me hear you make some noise!¹ – радостно завопил он в микрофон.

Девчонки завизжали.

Тиль состроил недовольную гримаску, изогнул бровь. Пальцы сделали несколько волнообразных движений. «Ну так себе, – как бы говорил парень, – фиговенько...»

– Let me hear you make some noise!!

Зал отозвался значительно громче. Но юного бога это не убедило. Он хотел не просто криков и писков, он хотел большего. Он хотел, чтобы зал забился в оргазме.

– Let me hear you make some noise!!!

О, мамочки! Всего одной дурацкой фразой Тиль отымел тридцать тысяч человек одновременно. Это был не оргазм, это был... «Олимпийский» отдавался ему с каким-то нереальным отчаяньем, бился в экстазе. Казалось, что мир вот-вот рухнет. А в его глазах опять стояло удивление – неужели это я вас так завел?

Тиль что-то еще прощebetал о том, как счастлив быть сегодня в этом прекрасном городе, как он ему понравился и объявил следующую песню. Я решила, что надо действительно посмотреть концерт и отправилась поближе к сцене. Луч-

¹ Дайте мне услышать вас! Громче!

ше бы я сидела на своем ящике и наблюдала за происходящим на экране.

Дэн на сцене бесчинствовал. Он заигрывал со своей стороны партера так, что, казалось, девочки умрут от удовольствия. Он строил глазки, кривил рот, закусывал губу и закидывал голову назад. По мокрой шее стекал пот, прилипли прядки... Я вспомнила, как ночью рассматривала его фотографии и поражалась сексуальности парня. Так вот – фотографии не передают и сотой доли того секса, который исходил от Дэна. И если оргазм в исполнении Тиля носил какой-то божественный характер, то от взгляда Дэна народ вокруг вполне мог забеременеть. В нем возбуждало даже то, как он играл на гитаре, как ласкал струны, как пальцы скользили по грифу.

В отличие от Дэна, Хаген со зрителями общался не особо активно и в попытках «изнасилования» зала замечен не был. То есть он честно выполнял свою работу: играл себе и играл, прыгал по сцене и прыгал. Но классно, надо заметить, играл и не менее суперски прыгал. А как он тряс головой с русо-рыжими волосами! Вау! Это было нечто. Это было так здорово. Он так двигался по сцене. Как кот. Правда, в какой-то момент они с Дэном не рассчитали траекторию и таки врезались друг в друга, но это им не помешало беситься дальше. А бесились они отменно. Иногда казалось, что Хаген сам от себя торчит.

Клауса показывали на экране часто, а мне его «живьем»

совсем не было видно. Зато огромное лицо Клауса с экрана могло вынести остатки мозга только так. Клаус не просто играл на барабанах. Он был сам эти барабаны. Он был с ними един. Он взрывался от игры. Он существовал в них. Он бог этих барабанов. Их дух. Их жизнь.

Дэн заметил меня ближе к концу концерта – я приютилась в уголке зоны между сценой и партером, поближе к Тоби и подальше от Зако, который постоянно то уходил, то приходил. Улыбнулся, облизав губы. Неожиданно он поставил гитару с треугольным корпусом себе на бедра и... на глазах одуревшей от восторга публики «изнасиловал» ее. Я почувствовала, как в животе торкнуло от сильнейшего возбуждения, резко скрестила ноги, порадовавшись, что не парень и мне не надо прятать внезапную эрекцию и ходить потом с мокрыми трусами...

Уже в самом конце концерта, когда ребят в третий раз звали на бис, я сделала открытие: Тиль – это вампир, который питается энергией зала. Он с первой же песни послал в зал настолько мощный поток энергии, что она возвратилась к нему фактически в сто раз увеличенной. И чем больше он отдавался, тем больше получал! Весь концерт Тиль скакал по сцене как заведенный заяц. Он работал на каждый сектор – прямо, лево, право, верх, партер, балкон. Каждый поворот его головы в сторону публики встречался таким шквалом аплодисментов, криков и визгов, что становилось плохо. Дэн и Хаген тоже шевелились постоянно, перемещались по сце-

не, показывали себя, любимых, каждому желающему со всех сторон, но Тиль он живет этой энергией. Он ловит кайф от себя и своей работы. Он настолько ловит кайф, и настолько старается, так дерет глотку, что мне захотелось дать ему что-то большее, чем у меня есть. Мне захотелось раствориться в нем, в его энергии, стать частью него, лишь бы остаться в этом кайфе, в этой энергии, увязнуть во всем этом, словно муха в янтарной смоле, застыть и донести до потомков, что когда-то мне было так хорошо. Я впервые в жизни попала на настолько мощный по энергии концерт. И я в какой-то момент поняла, что потеряла голову и саму себя, растворилась вся без остатка, я теперь не принадлежу себе, я стала частичкой этой группы...

Пока ребята прощались со зрителями, я унеслась за кулисы. Меня переполнял такой восторг, что хотелось немедленно вылить его на головы мальчишек. Меня раздирало на части от счастья!

Первым мне на глаза попался Хаген, и я тут же повисла у него на шее, повизгивая:

– Боже! Боже! Боже!

Он обнял меня за талию и чмокнул в щеку. Довольный такой.

Потом я радостно вцепилась в Тиля, задыхаясь от восхищения:

– Ты такой... такой... Ааааа! У меня слов нету!!!

Тиль рассмеялся и похлопал меня по спине, крепко обняв.

Следующим сбежал по ступеням Клаус. И тут же угодил в мои объятия. Я восторженно развела руками и просто поцеловала его в висок. Слова кончились. Остались эмоции.

Дэн стоял чуть в стороне, наблюдая за моими метаниями от одного парня к другому. Взгляд очень серьезный.

Отлипнув от Клауса, я не спеша направилась к любимому мачо, скромно потупив очи и виновато закусив губу – сама невинность.

Он склонил голову на бок, вопросительно изогнув бровь: «Ну?» – словно написано на лице.

Я, почему-то покраснев до кончиков ушей и совсем уж опустив глаза, едва заметно кивнула.

«Кончила...» – безумно стыдно.

Он довольно ухмыльнулся:

«Я – бог секса?»

– Ты бог секса, – звучит интимным эхом.

Он приосанивается.

«Я победил?»

Я смотрю ему в глаза теперь уже с горькой обидой:

– Не могу... Ты спорил на меня...

Он резко отворачивается. Розовые щеки сначала белеют, а потом покрываются красными пятнами.

– Дерьмо... – шипит сквозь стиснутые зубы.

– Зачем?... – одними губами.

– Хаген?

– Нет... Я сама... Слышала... Черт побери эти принципы!

Он опять ухмыляется. Теперь уже с досадой.

– И что дальше?

Пожимаю плечами, обнимаю его и шепчу:

– Не знаю...

Ребята устали. Настолько устали, что уже не гоготали, как днем, а сразу же по возвращению в отель рухнули кто где в номере Дэна. Странно было находиться рядом с ними и не слышать постоянного смеха и шуток. Даже Тиль заткнулся на минуту. Я, скромно постояв в дверях, сняла босоножки и уселась на паркет. Ноги гудели и болели, хотелось их засунуть под холодную воду и немного остудить. Вообще хотелось в душ. По полу приятно тянуло сквозняком. Если бы не мальчишки, я бы скинула одежду и, разметав руки в стороны, наслаждалась прохладой. Хаген смотрел на меня с интересом. Потом встал:

– Иди, сядь сюда, что ты там в дверях приютилась.

Мужчина, – расцвела я. – Настоящий мужчина.

– Тут прохладно, – улыбнулась в ответ.

– Я не могу спокойно сидеть в кресле, когда девушка сидит на полу, – неожиданно серьезно сказал он.

Я провела рукой по паркету, приглашая его присоединиться. Хаген обалдел от такой наглости. Клаус хихикнул и... сел рядом со мной. Дэн недовольно прищурился и поджал губы, вытянувшись в кресле.

– Тебе, правда, понравился концерт? – тихо спросил Клаус.

– Вы боги на сцене, – восхищенно произнесла я. – Никогда в жизни я не испытывала такого драйва, какой испытала сегодня. С первой до последней минуты мое внимание принадлежало только вам. Думаю, что в полку фанаток прибыло. А ты... Ты... У меня нет слов! Ты сердце группы! Ее мотор! Ее ритм! Ты бог ритма!

Клаус вмиг покраснел. В какой-то момент мне показалось, что даже волосы на голове у него стали приятного бордового цвета. Ан-нет, это всего лишь отблеск закатного солнца из окна. Три пары глаз недоуменно уставились на нас. Особенно моим признанием был шокирован Тиль. Видимо до этого ему никто не сообщал, что Клаус круче. Он приподнялся на локтях и склонил голову на бок, пытаясь получше разглядеть сумасшедшего, посмеявшего усомниться в его гениальности. Я едва сдерживала улыбку. Какие ж они глупые! Как ведутся, как смешно реагируют на провокацию.

– Вообще-то у нас группа, – попытался исправить ситуацию Клаус, косясь на друзей.

– Да ты что? Правда? – излишне притворно и удивленно ахнула я.

– Да, – тут же закивал барабанщик. – И от вклада каждого, зависит успех общего дела.

Я не удержалась, засмеялась. Мой смех тут же был подхвачен остальными. Только Клаус насупился, сложил руки на груди и опустил голову, всем своим видом изображая презрение к окружающим. Я несильно ткнула его локтем в бок.

Клаус недовольно отвернулся, но губы тронула улыбка. Я еще раз пихнула его. Парень вознамерился дать мне сдачи, но я ловко увернулась, и мы повалились на пол, истерично хохоча.

– Эй! Эй! Эй! – завозмущался Дэн.

На нас что-то плюхнулось. Подушка. Потом еще одна. Но уже не просто плюхнулась, а целенаправленно ударила сверху. Перед моим носом образовались белые кроссовки и складки широких длинных штанов. Дэн. Клаус охнул, когда это существо уселось на нашу кучу сверху. Я взвизгнула от навалившейся тяжести и судорожно застучала рукой по паркету. Они вдвоем меня раздавят!

– Хаген!!! Хаген!!! Спаси меня!!! – заверещала я сквозь хохот.

– Дэн, придурок! Совсем спятил?! – перед глазами возникли еще одни белые кроссовки и синие узкие джинсы, надорванные по шву снизу. Потом послышалось кряканье и звук падения. Дышать стало значительно легче. Мы втроем валялись на полу и захлебывались смехом. Со стороны глянуть – дурдом на каникулах. Хаген уселся рядом. Рожа такая счастливая, что любо дорого посмотреть.

– Идиоты, – покачал головой Тиль, изобразив на утомленном личике снисходительную улыбочку. – Как дети малые. Видели ли бы вас сейчас журналисты... Или папарацци.

– Это был бы очень веселый репортаж! – хихикнула я, поправляя растрепавшиеся волосы. Нет, надо еще и косметику

проверить, негоже перед ребятами ходить с размазанными тенями.

Хотелось еще как-то повеселиться. И я не придумала ничего лучше, чем задать один очень щекотливый вопрос, стараясь при этом сохранить лицо максимально серьезным. Конечно же, ответ я знала. Знала и то, что этот вопрос они ненавидят. Все вопросы, касающиеся названия группы и иероглифа, они ненавидят лютой ненавистью. Хочешь достать близнецов – спроси про название группы.

– А почему ваша группа называется Absurdes Theater? – Хлоп-хлоп ресничками.

Реакция была предсказуемой. Тиль тут же шумно выдохнул, рухнул на подушку и закатил глаза с выражением: «Дура, чего с нее взять?». Хаген ухмыльнулся. Клаус сделал вид, что не расслышал вопроса и глазами указал на Дэна. Дэн... Мачо обвел всех взглядом – снова я, как что, так сразу я! – тяжелейшим образом вздохнул, скривился похуже братца – имбицилка несчастная! – и с превеликим одолжением произнес:

– Группа так называется потому, что...

Я закрыла лицо руками и заржала. Секунда и ко мне присоединился дружный хор ребячьих голосов. Это было так смешно, что мы с Клаусом опять завалились друг на друга, где-то сбоку мне по бедру стучал Хаген, приговаривая: «Я знал, что ты издеваешься!». И только облапошенный Дэн не смеялся, а недовольно косился в мою сторону, сузив краси-

вые глаза и поджав губы.

– Издеваешься, да?

– Надо же нам над кем-то смеяться? Не все ж тебе Хагена доставать.

Дэн гаденько улыбнулся.

– Приятно, что в нашей компании появился новый клоун.

– Ну что ты, я никогда не позволю себе забрать у тебя корону, – произнесла это таким снисходительным тоном, что Дэн... опять покраснел и отвел взгляд. Как забавно – мальчик он яркий, иногда грубоват, хамоват и всегда наглый, но как только ты даешь ему чуть более наглый отпор, он тут же тушует и становится похож на разобиженного ребенка. Наверное, все дело в том, что я с ним на равных, не заглядываю в глаза и не смотрю в рот. Сдается мне, что очень и очень давно с ними никто так не разговаривал. Привыкли звездить, а тут я – новая звезда на их чумные головы. И если Хаген и Клаус это воспринимают нормально и принимают меня, то Дэн почему-то периодически козлится. А до Тилы мне вообще нет никакого дела. Он какой-то неприятный тип, тоже мне божок на выезде. Хотя почему неприятный? Он замороженный, шуганный какой-то. Держится со мной на расстоянии. Отпускает какие-то странные шуточки. Словно между нами им собственноручно зачем-то выстроенная стена. Но с другой стороны я его понимаю: когда вокруг тебя столько народу, когда ты все время под прицелом фотокамер, когда каждый твой шаг обсуждается и тут же выносит-

ся на первые полосы сомнительных газетенки, – будешь шуганным. Я бы не просто стену возвела, я б себя на другую планету жить вывезла.

Ладно, провела хорошо день, вечер более чем удался, звезд моих в отель отвезла, на руки охране сдала, пора и честь знать. Дэн... Вот кто тебя, дурака, за язык тянул? А ведь могли шикарно провести время... Теперь останешься без вкусенького на ночь. Ты, конечно, парень классный, но себя я больше люблю. Почему-то вспомнилось старое кино, кажется, оно называлось «Девчата». Там тоже несчастную Тосю на спор разыграли. Только я тебе, Дэнни, не шапка, чтобы ты на меня спорил. Потому и подколы мои сейчас жесткие, а местами еще и жестокие. Обиделась я на тебя сильно и ничего с собой сделать не могу.

Из задумчивости меня вывел довольный голос Тиля.

– Что ж, хорошо, можно сделать пометочку, что Москву мы покорили, – вальяжно произнес он, сладко потянувшись.

– Ага, шикарный концерт, – согласился Хаген.

– Обычный, – пожал плечами Дэн, вновь обиженно покосившись на меня.

– Господа, – влезла я, – вы отдыхайте, а я поеду домой, если вам ничего больше не надо.

– А есть еще предложения? – Дэн посмотрел так, что у меня мурашки побежали по спине. Вспомнила его выходку на концерте и опять резко скрестила ноги, пытаясь удержать нахлынувшее возбуждение.

– Предложения есть всегда. Вопрос – нужны ли они.

Я смотрела на него с вызовом, но в то же время насмешливо. Шенк-старший победно сморщил носик – понял, что со мной происходит. И ему нравилось дразнить мое тело.

– Ты не откажешься с нами поужинать? – неожиданно спросил Тиль. Его длинное тощее тело во всем черном на белоснежном постельном белье смотрелось как трещина.

– Честно говоря, с удовольствием бы отказалась, но уже поздно, а есть дома нечего, – как-то излишне разоткровенничалась я, сама еще не понимая, хочу ли с ним ужинать или нет.

– Ты голодаешь? – ахнул Клаус.

– Нет, что ты, – замахала я руками. – Продукты есть. Просто вчера было лень готовить... – И добавила по-русски: – А сегодня вы на мою голову свалились.

Клаус улыбнулся. Черт! Я совершенно забыла, что он учил русский и более менее понимает мои подвигивания самой себе.

– Хорошо, что хоть кто-то тебя покормит, – по-отечески хлопнул меня по бедру Хаген и отправился в свой номер переодеваться. За ним вышел Клаус, все также интимно улыбаясь. Дэн учтиво предложил мне пересест с пола в освободившееся кресло. Гляди-ка, какой кавалер. Ох, меня такими глупостями не очаруешь.

– Ничего, если я приму душ? – опять бросил в мою сторону игривый взгляд парень.

– Не стесняйся, – ответила я ему тем же. – В конце концов, мы же в твоём номере. Если хочешь, я тоже уйду.

– Ммм, – скривил он губы. – Интересно, куда? Точнее к кому?

– Я обязана отчитываться? – ласково и сладко, словно благодарность самому лучшему любовнику на свете.

Он пожал плечами, продолжая эротично улыбаться в ожидании ответа.

Я игриво закатила глаза, думая, как бы его «ущипнуть», а потом произнесла, томно растягивая слова и медленно массируя затекшую шею:

– К Хагену... Он такой секси...

Дэн довольно ухмыльнулся, как будто только что получил долгожданный страстный поцелуй.

– Хаген не умеет делать массаж такой, какой умею делать я.

Снял футболку, продемонстрировав мне слегка худощавое тельце, но менее дистрофичное, чем у брата, а следовательно более привлекательное, взял полотенце и исчез за дверью ванной.

Хорош, мальчишка. Ох, хорош. Хочу...

Нет, я люблю себя больше! И только так.

Дурак! Ду-рак! Я вздохнула.

В отлакированной до зеркального блеска полировке шкафа не очень четко отражался Тиль. Он лежал и смотрел на меня, думая, что я не замечаю его взгляда. Где-то тихо ти-

кали часы: такой неприятный тик-тик-тик, сильно действующий на нервы. Наконец-то тяжелые струи воды с шипением ударили о фаянс, нарушив уже начинающую угнетать тишину. Послышались чертыхания Дэна. Похоже, ему все-таки нужен переводчик для общения с краном. Я улыбнулась этой мысли, представив, как крупные капли сползают по плечам, ниже, по животу, ниже... ниже... В памяти вспыхнула фраза: «А рот? Только представь, как она это будет делать ртом!». И его движения бедер на сцене... Хочу... Тиль поудобнее развернулся, наверное, чтобы было лучше видно. Тоже мне, нашел бесплатную передачу «Из жизни Машки обыкновенной»! Почему-то наличие фронтмена в комнате меня сильно раздражало. Даже больше, чем противное тиканье часов. Воображение разыгралось не на шутку. Я так ясно увидела, как ласкаю его в душе, как руки скользят по телу, как он отвечает – страстно, безудержно, грубо... Стоп! Спокойно! Надо на что-то переключиться. Вот почему бы младшему близнецу не пойти к себе в номер, а? Покрутила головой в поисках пульта от телевизора. Бросила досадливый взгляд на развалившуюся суперстар. Небось, он его себе заныкал. Точно! Тиль проследил за мной, ухмыльнулся противно и... спрятал пульт под подушку. Я возмущенно приоткрыла рот, собираясь требовать волшебный «ленивчик» обратно!

– Не надо, не включай. Хочу тишины.

– Ну и сиди себе в тишине. А я хочу телевизор посмотреть.

Густо намазанные черным глаза обиженно вытаращились. Н-да, сегодня для бога всех малолетних девиц не самый лучший вечер на свете: кто бы мог подумать, что кому-то придет в голову перечить самому Тилю Шенку, фронтмену популярнейшей группы, вместо того, чтобы восхищаться его персонкой?

– Я устал. И хочу тишины, – тем не менее спокойно повторил он. В уставшем, осипшем голосе я не услышала ни капли каприза или надменности, всего лишь констатация факта. Где-то глубоко в душе поставила ему еще один плюсики – не звездит, хватит опускать и придирааться.

– Я тоже устала, но не хочу сидеть в тишине. Что делать? – вредничала моя сучность.

– Давай поболтаем?

– О чем?

– О твоём городе, например. Москва красивая.

Настала моя очередь корчить рожу – вокруг меня исключительные придурки. Но разговор поддержала. Всё лучше, чем думать о голом Дэне в нескольких метрах от себя и слушать часы.

– Тебе понравилась Москва? Когда это ты ее видел? – презрительно хмыкнула я.

– Из автомобиля, когда ехали сюда. Ну и так... Пока по городу возили...

– О, тогда ты ничего не видел. Хочешь, я покажу тебе настоящую Москву?

– Не думаю, что нас отпустят телохранители.

– Ты реши для себя, хочешь ли ты увидеть мой город, а потом мы решим, как сделать так, что бы вывести тебя отсюда незаметно для фанаток и охранников.

Вот иногда я удивляю сама себя! Вот что я за человек такой дурной? Кто меня за язык тянул? Что я собралась ему показывать? Ефремова, ты однозначно спятила! Да ты ж с ним и двух часов не протянешь! Больная! Да-да-да, Мария Ефремова больная на всю голову! А как же Дэн? Бросить мальчика, по которому вся изошла слюнями, махнуться не глядя на его брата-близнеца! Откажись, Тиль, откажись, пожалуйста! Если ты откажешься, то твой брат шикарно проведет эту ночь, клянусь! Откажись!

Он мялся. Я видела, что предложение ему интересно, но что-то останавливает. Хоть бы не согласился! Господи! Хоть бы не согласился! Хотя... Стену, говоришь, возвел... Интересно, а какой он в жизни? Нет, развлекаться с этим андрогином я не хочу, но приятно провести время – почему бы нет? И Дэну нос утру.

– Не переживай, верну тебя в целости и сохранности утром. Твоя девственность не пострадает. Хочешь, давай еще и Дэна прихватим. С ним будет веселей вдвойне.

Моя дежурная фраза про девственность произвела на парня нужное впечатление. Он вспыхнул до самых ушей и, кажется, смутился. Но быстро взял себя в руки. Ни один мужчина не смог мне отказать после этой фразы. Тиль не стал

исключением.

После более чем легкого ужина (а я еще днем поражалась, чего это близнецы такие тощие) в ресторане отеля, все разбрелись по номерам. Тиль с Дэном что-то тихо обсуждали, я скучала в сторонке, делая вид, что не слушаю, как один брат совещается с другим относительно того, где потом искать его холодный трупик, в какой подмосковной канаве. После долгих уговоров, Дэн великодушно разрешил Тилью свалить со мной, пообещав прикрыть перед продюсером и даже помочь с фанатками. Внутри все переворачивалось. Черт, как же меня прет от Дэна, и на кой я в итоге выбрала Тилья? Ну да, позволить мальчику выиграть спор – это, значит, проиграть самой себе. Но ведь иногда можно наступить на горло принципам? Ну совсем чуть-чуть. Если очень хочется... Эх, видели глазоньки, что брали, – теперь жрите. В конце концов, они близнецы и, если младшего умыть, то что-то общее должно быть обязательно. Придется представить себе, что Тиль – это Дэн. Дурак! Глупый, безмозглый дурак! И так бы все получил, зачем было все портить?

– Куда вы собираетесь? – спросил Шенк-старший.

Нет, все равно мне неприятно. Он так быстро отказался от ночи со мной в пользу младшего? С чего бы это? То есть, как с Хагеном обмусоливать мои таланты – это нормально, а как дело дошло до младшего – Дэн просто отошел в сторону и всё? И никакой борьбы? Никакой здоровой конкуренции? Тиль выразил желание прошвырнуться ночью в моей компа-

нии и Дэн тут же сказал: «Окей, братишка, вали отсюда!»? Это меня задело. Тем более Дэн не мужчина, если позволяет себе такое. В том, что Тиль знал о споре Дэна с Хагеном, – я не сомневаюсь ни единой секунды. Они очень близки с братом, это бросилось в глаза, когда Дэна помяли фанатки у отеля, а Тиль суетился вокруг него в машине. Меня даже улыбнула такая трогательная забота друг о друге. Наверное, если бы у меня была сестра, я бы тоже так о ней заботилась. Все равно такое поведение Дэна неприятно удивляло и напрягало. Он отказался от меня! Даже не стал настаивать, прекрасно видя, как я реагирую на все его выходки...

– Просто покатаемся по городу, может быть сходим в ночной клуб... Не знаю, я не продумывала еще развлекательную программу. Если пойдешь с нами, то мы поедем на машине, которая стоит у гостиницы, если не пойдешь – на мотоцикле, благо погода шикарная.

– Это безопасно?

Мог бы не делать такой заботливый вид, собирая младшенького в дорогу, а то прям не старший брат, а любящая мамочка, выбирающая костюм сынуле на первое свидание... Еще, черт побери, презервативов ему отсыпь из личной аптечки!

– Мотоцикл я вожу давно, не переживай, ехать буду очень осторожно. Не хочу, чтобы потом ваши фанатки вырыли мою могилу и нагадили в гроб.

Ребята улыбнулись.

– Это они могут, – сказали в один голос.

– Вот и славно. А теперь, Тиль, расчеши гриву и полностью смой грим. Не переживай, мы возьмем твой чемодан с косметичкой, и ты сможешь привести себя в порядок. А ты, Дэн, тащи сюда самую неиспользуемую бейсболку. Будем делать из «звезды» человека.

Даже умытый Тиль без черных разводов под глазами и с прилизанными волосами был похож на себя. Мы с Дэном придиричиво рассматривали парня.

– Не катит, – резюмировал Дэн. Потом посмотрел на меня и велел снять юбку.

– Спятил? – возмутились мы с Тилем в один голос.

– А как вы планируете отсюда выйти? – пожал плечами Дэн.

– Я не трансвестит! Я нормальный мужчина! – рявкнул Тиль. – Иди к черту!

Я скромно потупилась, пряча улыбку. И это говорит парень, которого все принимают за гомосексуалиста и по манере одеваться, и по разговорам, и по поведению.

– Пойми, – как последнему идиоту, терпеливо объяснял брату Дэн, – в нашу задачу входит не вывести тебя из отеля, а провести тебя мимо нашей охраны. Ты наивно полагаешь, что если сменишь одни джинсы на другие, твою тощую задницу наши ребята не признают? Даже если ты наденешь мои штаны, тебя могут принять за меня. Нам надо пройти мимо Зако. А для этого нужна маскировка. Хорошая маскировка.

– Дэн, все здорово, только одного не понимаю – я в чем пойду? В чулках?

– Оденешь джинсы Тиля, – отмахнулся он, словно от назойливой мухи.

– Да я из них вывалюсь!

– Да они на ней не сойдутся!

– Да ты сам жирный!

– Спорим?

Дэн не слушал нас, рылся в чемодане. Он откинул несколько пар джинсов, отложил в сторону спортивные голубые штаны и в итоге достал в меру простые джинсики без дыр, наворотов и металлических нашлепок.

Я, ничуть не стесняясь, стянула юбку, оставшись в чулках и черных кружевных стрингах. Да, я знаю, что подобное нижнее белье мне очень идет, и на ребят оно произвело нужное впечатление. Дэн, не скрываясь, пялился на мои голые ноги и аккуратную попку. Смотри-смотри отчего ты отказался полчаса назад, глупец! Тиль покраснел и отвернулся. Какие мы чувствительные!

Тиль смотрелся в моей юбке как дешевая проститутка с площади трех вокзалов – патлатый, бледный и стрёмный. Дэн еще раз придирчиво осмотрел меня и велел снять чулки – карандашеобразные ножки братца нуждались хоть в какой-то маскировке. Кружева чулок эротично выглядывали из-под юбки. Так он еще больше стал похож на проститутку. Н-да...

– Нужна куртка – завязать вокруг талии, так мы скроем худощавость, – предложила я. – А волосы спрятать под бейсболкой или банданой.

– Макияж? – раздумывал Дэн.

– Нет! Все привыкли, что он с черными глазами. Стоит нам сейчас хоть немного подчеркнуть глаза, и его все узнают. Надо на что-то отвлечь внимание.

– На что? Нужно что-то яркое... Пятно...

– Я в таком виде на улицу не выйду! – взвился Тиль. – Вы спятили?

– Помада! Яркая помада! – нашлась я. – Мы переместим акцент на губы, глаза закроет бейсболка. И на него никто не обратит внимание! Выйдешь ты, Дэнни, следом за тобой мы с Тилем. Ты девчонок уведешь в другую сторону от дверей (типа в баре вышел посидеть, заодно и охрану сдернешь), а мы проскочим мимо.

– Точно! – хлопнул меня по плечу Дэн.

– Вы с ума сошли?! Какая еще помада?! – возмущался Тиль.

– Что ты переживаешь? В машине переоденемся, – отозвалась я, копаясь в сумочке в поисках губной помады ярко-малинового цвета.

Дэн во всю рассматривал меня, как будто в голове зрел какой-то интересный план. Тиль стоял около окна, изучая обстановку и махая девушкам ручкой. Хорошо, что на окнах стеклопакеты. Страшно представить, какой сейчас внизу ор.

– Мария, это... – Дэн даже покраснел. – Я знаю, как сделать так, чтобы Тиля точно приняли за девушку.

– Только не говори... – до меня тоже это дошло.

– Пошли вы все к черту! – завопил Тиль на всю гостиницу, видимо догадавшись о ходе наших мыслей.

Дэн расплылся в наисчастливейшей улыбке.

– Снимай.

– Вата нужна, – я ловко расстегнула застежку за спиной.

– Носки пойдут. Надо ж ему будет твои чулки снять. Хотя... Тиль, тебе нравятся эти чулки?

У Тиля оказался очень богатый словарный запас ругательств, из которого мы с Дэном узнали кто мы, что мы и откуда, а так же, что чулки ему не нравятся, лифчик ему не нравится, и вообще мы два самых дерьмовых извращенца в его жизни. Кто бы сомневался!

Через десять минут мы были готовы. Тиль с красными губищами, в какой-то стремной майке с цветочками (господи, какие секреты хранит чемодан этого нетрансвестита?), с весьма премилой грудью как минимум третьего размера (Дэновой гордостью!), юбке, которая на нем висела на честном слове, в кожаной куртке, которую ему было велено держать в руках спереди, чтобы прикрыть первичные половые признаки на случай задирания подола, слишком коротких чулках сеточкой, кедах и бейсболке, под которой мы спрятали волосы. Вид такой, что до машины бы успеть дойти без приключений. Дэн покатывался от смеха, предлагал сфото-

графировать брата и выслать фотографию родителям. Тот едва сдерживался, чтобы не врезать ему промеж глаз. Я в футболке Дэна на двадцать размеров больше и тех самых джинсах, штанины которых пришлось подкатать чуть ли не на половину. Волосы распустила, на лице – яркий, вызывающий макияж. Главное, чтобы знакомые не увидели. Позора не оберешься.

На прощание Дэн что-то шепнул брату, шаловливо глянув в мою сторону. Я не осталась в долгу.

– Поведите эту ночь весело, – наклонился он ко мне.

– И тебе не скучать сегодня и оторваться по полной, – мурлыкнула я, касаясь невесомым поцелуем уголка губ. Его рука быстро скользнула по талии и опустилась на зад. Он расстроено вздохнул, виновато посмотрев мне в глаза. Глупый... Что же ты наделал? Тебе ведь надо было всего лишь настоять...

Глава 4

Мы спускались в двух лифтах с задержкой в десять секунд. Как и рассчитывалось, Дэн собрал всех фанаток, дежуривших у входа, около окна гостиничного магазина. Туда же подтянулась для подстраховки охрана. Пока он увлеченно рассматривал всякую всячину на витринах, намеренно близко подходя к окну и периодически помахивая девушкам, мы с Тилем резвым галопом неслись к машине. Только сейчас я осознала, что эта глупейшая выходка с переодеванием действительно могла выйти парню боком и опозорить на весь мир. Нам повезло. Красавчик Дэн великолепно справился со своей задачей. Мы прыгнули в машину и были таковы.

– Ну что? – поинтересовалась я, немного отъехав от гостиницы. – Будем в машине кататься или за мотоциклом заедем?

– А у тебя можно дома переодеться?

– Конечно, – фыркнула я, а потом, рассмеявшись, добавила: – Даже могу подобрать тебе юбку поинтересней.

– Не смешно, – Тиль надулся и принялся стирать помаду, нагло повернув зеркало заднего вида к себе, полностью лишив меня обзора дороги.

Так мы и ехали с ним под тихую музыку какого-то первого попавшегося радио. Тиль восторженно смотрел в окно, и

мне нравилось, что он ведет себя естественно, живо интересуясь архитектурой и людьми, комментируя и иногда показывая пальцами на что-то особенное. Я пыталась хоть как-то объяснить, что такого исторического мы сейчас проезжаем, попутно смутно припоминая историю родного города. Н-да, не сильна я в истории, как выяснилось, не сильна...

Я повезла его длинной дорогой по украшенным огнями проспектам, чтобы показать насколько красива столица. Здесь было бы классно просто прогуляться, пешком, не спеша, дотронуться до старинных кирпичиков зданий, заглянуть в еще не закрытые магазины, побродить по улочкам, подышать воздухом (ну и что, что загазованный и вообще с экологической точки зрения непригодный для проживания, зато насквозь пропитанный свободой!)... Но в таком виде на улицах небезопасно не столько мне, сколько Тилю. Я не могу им рисковать. Он слишком дорогой мальчик, чтобы подвергать его жизнь хоть малейшей опасности.

Через двадцать минут мы выехали на финишную прямую – Кутузовский проспект. Всё было хорошо: Тиль рассказывал о Лейпциге, и о том, как сильно отличается его родной город от моего, как он любит все эти огни больших городов и как хотел бы жить вот в таком же прекрасном ярком месте, пока в какой-то момент его рука, сопровождаемая изощренным ругательством, резко не дернулась к радио и не вырубил его. Я удивленно отвлеклась от дороги, вопросительно уставившись на парня. Тиль скрестил руки на груди и ка-

ким-то непонятным мне образом переплел ноги.

– Ненавижу! – буркнул под нос.

– Что такое? Ты не любишь этого исполнителя?

– Почему? Я просто уже не могу слышать эту песню. Меня от нее тошнит. Каждый день одно и то же. Не хочу. Даже слышать ничего не хочу из нашего репертуара.

– Вашего? Это ты пел?

– А ты не слышала ее на концерте?

Я промычала что-то нечленораздельное, сильно покраснев. Чего-то, да, ступила...

– Классная, – тут же соврала я, потому что на самом деле даже не успела понять, что за мелодия начала звучать из динамиков. – Мне очень нравится.

Тиль сидел напряженно, безразлично уставившись в сторону, поджав губы. Вся работа насмарку из-за этой песни! Надо его тормозить, иначе я тут свихнусь через пару часов.

– Три года одно и то же почти каждый день! – вдруг процедил он раздраженно. – Иногда не по одному разу. Одни и те же песни, одни и те же слова, одни и те же жесты, улыбки, позы. Три шага вверх до Клауса. Встать к нему передом, к залу задом и поднять правую руку вверх, а левой указать на Дэна. Игривый взгляд, черт побери, обязателен! Десять шагов бегом до Дэна и спина к спине. Двадцать шагов и наклониться в зал около Хагена. Балкон. Трибуны. Визжащий партер. Ужасные, потные, обезумевшие лица сливающиеся в одну безликую массу. Руки. Лес рук. Они тянутся. Дай им

волю и они сдернут меня в толпу, разорвут на части. – Он неприятно усмехнулся: – На сувениры...

– Ну, я смотрела, конечно же, не только концерт, и тоже сильно обалдела от увиденного, – очень аккуратно и вкрадчиво начала я. – Не ожидала, что такое вообще возможно... Еще вчера я ничего не знала о твоей группе, а сегодня после концерта хочу купить диск. Все диски, какие есть! Мне понравилось, что зал взорвался с первых же аккордов. Мне понравилось, что ты был таким искренним. А еще... Знаешь, когда я сидела за сценой, включили свет, чтобы ты мог видеть зал, и я увидела твои глаза на большом экране. Ты был счастлив в тот момент. Тридцать тысяч человек стояли на ушах, орали, визжали, махали руками... И ты был счастлив. Искры... Не знаю, понимаешь ли ты, о чем я говорю... В твоих глазах были искры. Ты сам был искрой... Мне ведь это не показалось?

Он улыбнулся. Очень мягко и ласково. Немного устало, но я вновь увидела те искры в глазах.

– Да, я был счастлив. Ты себе не представляешь, каково это – видеть, что ради тебя пришло столько народу. Не десятки, не сотни, а десятки тысяч! Они подпевают... Этот акцент... Он такой необычный, такой непередаваемый... Для меня нет ничего слаще, когда зал поет со мной. Они поют на моем родном языке! Понимаешь? Все! Французы, поляки, русские, чехи, венгры, финны, голландцы, датчане! Все! Они не знают языка, но поют мои песни. И глаза! Просто пред-

ставь, – он развел руками, как заправский шаман, изображающий огромное озеро. – Я вижу первые несколько рядов более менее хорошо. Там девчонки. И у всех горят глаза! Я вижу в них драйв! Я вижу в них счастье! И они делятся этим со мной! Они словно посылают мне энергию... Я счастлив... Мурашки по спине... Я так боюсь начала концерта. Ноги ватные... Главное сделать первый шаг, заставить себя выйти на сцену и открыть рот. Дэн, он начинает первым. Ему труднее всего. Как сейчас все пойдет? Что случится? Овации? Камни? Всё на нем. Потом остальные вступают. А мне... Я придумал, как сделать, чтобы перебороть себя. Надо выйти на сцену, как в воду, – бегом. И я начинаю петь еще за кулисами, а потом... Потом мне уже некуда деваться, хватит прятаться. Первая песня еще страшно, а на второй я вижу глаза девчонок и обо всем забываю. Я пою для них. Для каждой в отдельности. Почти каждый концерт особенный. Девчонки что-то придумывают, что-то делают. Вот в этот раз... – Тиль восторженно посмотрел на меня, и я вздохнула с облегчением: есть искорка, неправду он мне только что говорил, устал видимо. – Вот в этот раз я открыл глаза на песне, а зал полон мыльных пузырей! Боже! Это так красиво! Так... Так... Мне было чертовски приятно! Извини, я, наверное, сильно устал, вот и раздражаюсь на всё.

– Это не страшно. Мы ведь договорились, что сегодня ночью не существует рок-звезды и фронтмена группы Absurdes Theater Тиля Шенка. Зато есть просто Тиль, который может

быть самим собой и ничего не опасаться, да?

Он с готовностью кивнул.

– Давай обсудим нашу программу твоего выгула. Итак, хочу, чтобы ты сегодня был самим собой. Хочу сделать так, чтобы ты просто отдохнул от всех. Вот что тебе в голову придет, то и будем делать, договорились? Я твой язык и путеводная нить. Сейчас мы заедем ко мне домой, я переоденусь, возьмем мотоцикл и поедем кататься по Москве. Потом предлагаю поехать в ночной клуб. Вариантов два. Первый – это самый крутой и пафосный на сегодняшний день клуб в Москве. Там собирается вся местная богема. Будем пить и танцевать, или просто сидеть в сторонке и наблюдать за происходящим. Второй вариант с точностью наоборот. Место там тихое, уютное, развлекательное. Можно будет поиграть в боулинг, бильярд, q-zar, в игровые автоматы, можно выпить и потанцевать. Публика и там, и там, вполне достойная, фанатьё к тебе приставать не будет. Надоест – будем развлекаться дальше. Надоест развлекаться, отвезу тебя в гостиницу.

– План, конечно, так себе, но... – протянул он, скривившись.

Я даже не нашлась, что ответить. Парень меняет маски на раз-два! Только что он был классным мальчишкой, ради которого мне хотелось свернуть горы. И неожиданно вновь превратился в гнусную брюзгу, которой ничего не нравится. С чего бы это? Почему? Отчего он не может быть самим со-

бой? К чему все эти кривления губ, хмурые складки на лбу? Мы же договорились... Ничего не понимаю... Черт! Вот за-чем я вляпалась в эту авантюру? Сейчас эта зануда падет смертью храбрых. Интересно, мне много дадут за убийство в состоянии аффекта?

– Что-то не так? – участливо спросила я. – Ты чего-то бо-ишься?

– Всё хорошо, – тут же нервно отозвался он.

– Тиль, ничего с тобой не случится, обещаю. Хочешь, вер-немся обратно или позовем с собой Дэна?

– Нет. Мне нравится твоя затея. Просто, пойми, я так при-вык к круглосуточной охране, что сейчас чувствую себя не совсем... уверенно что ли... Я даже в сортир хожу в сопро-вождении Зако. – Я хихикнула, зажав рот ладонью. Он не об-ратил на это внимания, страдальчески продолжил: – Да еще страна чужая. Про Россию столько всего говорят... нехоро-шего.

– А ты не слушай.

– Стараюсь. Пока не получается.

Я азартно закричала, указывая на тротуар:

– Смотри! Смотри! Вон, видишь, стадо медведей побежа-ло! Смотри!

– Где? – Тиль подскочил и припал к окну. – Не вижу!

– Черт, я тоже... – произнесла серьезно. – Меня так бесят все эти штампы.

Он сконфуженно улыбнулся.

– Меня тоже. Ты давно водишь машину?

– Второй год.

– Сама купила?

– Нет, что ты! Я столько не зарабатываю. Друг подарил.

Мы встречались... Он много мне дорогих подарков делал...

– Ты соержанка? – не то спросил, не то констатировал факт Тиль.

Гнев родился где-то в кончиках пальцев на ногах и, стремительно поднимаясь вверх, подобно огненной лаве, вырвался наружу, снеся все на своем пути. Я с силой нажала на тормоз, вложив в движение ногой всю свою ярость. Если бы не ремень безопасности, то Тиль вылетел бы через лобовое стекло. Ремень впился в грудь, откидывая его обратно. У меня в сознании происходило извержение. Меня трясло от гнева. Я закрыла глаза и, положив голову на руль, процедила:

– Саша был моим парнем семь месяцев. Мы жили душа в душу. Он был частью меня, моим дополнением, моей любовью, душой, счастьем. Я засыпала с его именем на устах. Я просыпалась и вместо: «Доброе утро» – говорила: «Как я по тебе соскучилась». Я ревела, когда не видела его больше оговоренного количества часов, я не находила себе места. Мне хотелось быть его тенью, чтобы следовать за ним везде и всюду. Хотелось быть его сердцем, чтобы трепетать в его душе. Хотелось быть его мозгом, чтобы всегда знать, о чем он думает...

Воспоминания яркими картинками вспыхивали где-то в

районе лба, похоже, именно там находится третий глаз – глаз, позволяющий видеть прошлое. Вот Сашка приходит совсем поздно ночью. Его кожа пахнет морозом, на волосах тают снежинки. Целует меня в нос. Чувствую аромат лилий. Открываю глаза – огромные красные пахучие колокольчики лежат около подушки. И сладко пахнут на всю комнату. Ледяные руки скользят под одеяло, я вскрикиваю и ёжусь от прикосновений к горячей коже. Вижу, как он доволен собой, – только что я открыла глаза и увидела небесно-голубой Rav4. К ручке привязан красный бантик. Прыгаю ему на шею с воплем, наши губы впиваются друг в друга. Вижу, как он нервничает и отводит взгляд... На рубашке след от красной помады, свежий запах D&G Light Blue. Я люблю сладкий... Становится страшно... Мое будущее, такое светлое, такое надежное, рушится. Города взрываются. Замки гибнут в руинах. Мечты лопаются... Не знаю, как себя вести. То становлюсь мягкой и ласковой – его это раздражает. Закатываю сцены и устраиваю истерики – его это бесит. Хочу быть с ним чаще – он с головой уходит в работу. Пытаюсь оторваться с друзьями – ему все равно. А потом...

– А потом ты понимаешь, что что-то происходит в ваших отношениях? Какие-то маленькие перемены?... – тихо-тихо и очень осторожно, словно боясь нарушить тонкую пленку воспоминаний.

– Да, сначала он перестал меня целовать перед уходом. Потом стал больше времени проводить с друзьями.

– Ты старалась что-то сделать, как-то исправить ситуацию. И все было бесполезно.

– Он все дальше и дальше. И тогда я решила, что нам надо поговорить...

– ...потому что так жить невозможно.

– Пригласила его в клуб...

– И он сказал, что между вами все кончено.

– Нет. Мы только пришли туда, сделали заказ, и налетел ОМОН. Началась перестрелка. Саша умер по дороге в больницу.

Я никогда не забуду тот вечер. Он вскрикнул и повернулся ко мне. На белой рубашке расплывалось маленькое красное пятнышко. Как-то странно пахло паленым мясом. У меня не было истерики. Я не кричала. Не рыдала. Подошла к нему и протянула руку. Он повалился на меня, смяв под собой, – тяжелый взрослый мужчина, которого не удержит худенькая девятнадцатилетняя девочка. Тяжело дышит. Глаза подозрительно блестят. Смотрит на меня с удивлением. Из рта стекает красная вязкая струйка, похожая на гранатовый соус. Я так люблю мясо с терпким, ужасно кислым гранатовым соусом «Наршараб»... С тех пор я никогда не покупала гранатовый соус...

– Что он сказал тебе?

– Что все было ошибкой...

Тонкие пальцы впились в мое плечо. Откуда-то пришло понимание, что он, как и я, не умеет выражать сочувствие

словами, лишь вот такой поддерживающий жест. Жест, более важный, чем тысячи слов. Словно говорит: я здесь, я рядом, ты можешь на меня рассчитывать. Короткое и тихое:

– Прости...

Мы стояли посреди Кутузовского проспекта. Мимо проносились машины. В салоне тикала аварийка. Кроме этого неприятного звука, ничто не нарушало тишины.

Тиль провел рукой по спине. Ладонь теплая и влажная.

– Знаешь, я иногда думаю, что хорошо, когда любимые люди умирают. Это очень больно и тяжело. Но так человек остается в твоей памяти хорошим, он не перестает быть для тебя близким, не причиняет больше боль... – произнес он глухо.

– Если бы он ушел, я бы пожелала ему счастья. Лишь бы он жил.

– Но ты бы страдала еще больше, зная, что он счастлив с другой.

– Это была бы моя боль... Надо же, какой ты эгоист! Хотя, о чем это я? – зло рассмеялась. – Кто бы понимал что-то в боли! Вокруг тебя полно девок, которые по мановению твоего наманикюренного ноготка готовы пойти на любые унижения, лишь бы удостоиться холодного взгляда. Уверена, у Люцифера договорной отдел работает без выходных и перерывов на обед, заключая контракты на передачу душ в обмен на ночь с тобой. Каждую ночь новая телка. А то и не одна. Или тебя больше пацаны вдохновляют?

Я моментально пожалела о сказанном. Сама испугалась. Тиль отдернул руку как с жаровни. Гордо вздернул нос и расправил плечи, окатив меня таким презрительным взглядом, что мне стало невыносимо стыдно.

– Извини, я что-то не то ляпнула... Я... просто...

– Я привык.

Какая обреченность в голосе, сколько одиночества и какая внутренняя сила всего в двух словах: «Я привык»...

Надо срочно спасти ситуацию!

Отъехала к обочине, чтобы не мешать все еще интенсивному движению, и протянула ему руку, мягко улыбнувшись:

– Тиль, мы оба были неправы. И не отрицай этого. Оба наговорили друг другу гадостей, сделали друг другу больно, но при этом мы оба не хотели никого обидеть. Давай мириться?

Секунда. Две. Три. Четыре. Пять.

Ноль эмоций. Кисть начинает затекать. На лице залипла улыбка. Чувствую себя дурой.

– Ээээй, – тяну сладко. – Тиль... Тиийль... Ну же...

Он хмурится. Сложил руки на груди. Закрылся от меня.

Восемь. Девять. Десять.

Черт! Я упрямая. Я очень упрямая.

Тринадцать. Четырнадцать...

Подумаешь, маленького обидели! Как меня содержанкой называть – так это можно! А как самому поддых получать, так мы губки тут же поджимаем и оскорбленную невинность из себя корчим. Пошел к черту!

Резко выжимаю газ. Пепелац с визгом срывается с места. Гудит, набирая скорость. Тиль испуганно смотрит на меня. Сильно выворачиваю руль вправо, чтобы уйти на разворот. Машину ведет в сторону. Твою мать, только в аварию не хватает попасть! Вылетаю на встречную полосу и с трудом вывожу «Тойоту» из заноса. Менты без разговоров вздернут на ближайшем столбе за такие маневры! Адреналин бьет в мозг. Камеры... Не помню... Черт... Тут же нет камер?..

– Подожди! Подожди! – кричит парень. – Я... Черт! Я просто пошутил! Дерьмо! Я просто пошутил! Не надо в гостиницу! Ты же обещала мне показать город! Пожалуйста! Я не сержусь на тебя! Правда! Прости меня!

Меня трясет от гнева. Чертов мальчишка! Я ему кто, чтобы передо мной комедии разыгрывать?!

– Мария... – с мольбой.

Леший с тобой! Сбавляю скорость. Только теперь придется ехать в объезд, если я не хочу остаться без прав. Какую же свинью подложил Дэн, спихнув на мои хрупкие плечики своего ненормального братца! Тиль довольно улыбнулся и развалился на сиденье. Включил радио. Ну почему я отказалась от Дэна?

Минут через десять, когда блеск золотых огней Кутузовского проспекта сменился темнотой и колдобинами переулков, я смогла справиться с раздражением. Тиль что-то напевал, и даже иногда размахивал руками, периодически стараясь как-то нелепо меня рассмешить. Временами это у него

даже получалось. Но было видно, что на самом деле он по-прежнему напряжен.

– Тиль, как твоя девушка реагирует на твои разъезды? Сильно ревнует? – решила поддержать разговор.

– У меня нет подруги, – он стал серьезным.

– Врешь!

– Правда. Ты когда рассказывала о своем друге, я очень четко представлял себе все происходящее. Как про меня говорила. Я встречался с девушкой, вроде бы в наших отношениях было все хорошо. А потом со мной случилось то же самое, что с тобой. В какой-то момент между нами пролегла пропасть. Я так и не понял, кто был виноват.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.